

Институт научной информации по общественным наукам
Российской академии наук
(ИНИОН РАН)

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ ПЕРЕВОДА

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

№ 3 – 2025

издается с 2025 г.
выходит 4 раза в год
ISSN 3034-6541

Учредитель
Институт научной информации по общественным наукам
Российской академии наук

Редакционная коллегия

М.Б. Раренко – канд. филол. наук, главный редактора (ИНИОН РАН, ведущий научный сотрудник), *Н.М. Нестерова* – д-р филол. наук, заместитель главного редактора (Пермский национальный исследовательский политехнический университет, профессор), *И. Голушин* – канд. филол. наук (Высшая школа коммуникаций, Сербия, доцент), *И.А. Гусейнова* – д-р филол. наук (ФГБОУ ВО МГЛУ, доцент), *Е.А. Княжева* – канд. филол. наук (ФГБОУ ВО «Воронежский университет», доцент), *Е.О. Опарина* – канд. филол. наук (ИНИОН РАН, старший научный сотрудник), *О.В. Петрова* – канд. филол. наук (ФГБОУ ВО «Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова», профессор), *В.В. Сдобников* – д-р филол. наук (ФГБОУ ВО «Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова», доцент), *А.Л. Семенов* – д-р филол. наук (ФГБОУ ВО МГЛУ, профессор), *Л.И. Чович* – д-р филол. наук, д-р общественных наук (Панъевропейский университет, Республика Сербская, Босния и Герцеговина, профессор), *Г.Т. Хухуни* – д-р филол. наук (Государственный университет просвещения Министерства Просвещения РФ, профессор).

Ответственный секретарь –

М.Б. Раренко (ИНИОН РАН, ведущий научный сотрудник)

Ответственные за выпуск –

Е.О. Опарина (ИНИОН РАН, старший научный сотрудник),

М.Б. Раренко (ИНИОН РАН, ведущий научный сотрудник)

Журнал «Актуальные вопросы теории и практики перевода = Current Issues of Translation Theory and Practice» включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).

DOI: 10.31249/perevod/2025.03.00

ISSN 3034–6541

© ИНИОН РАН, 2025

Institute of Scientific Information for Social Sciences
of the Russian Academy of Sciences
(INION RAN)

CURRENT ISSUES OF TRANSLATION THEORY AND PRACTICE

SCIENTIFIC JOURNAL

№ 3 – 2025

**published since 2025
4 issues a year
ISSN 3034-6541**

Founder
Institute of Scientific Information for Social Sciences
of the Russian Academy of Sciences

Editorial Board

M.B. Rarenko – PhD (Philology), Editor-in-Chief (INION RAN, Leading Researcher), *N.M. Nesterova* – Doctor of Philology, Deputy Editor-in-Chief (Perm National Research Polytechnic University, Professor), *I. Golushin* – PhD (Philology), (Higher School of Communications, Serbia, Associate Professor), *I.A. Guseynova* – Doctor of Philology (MGLU, Associate Professor), *E.A. Knyazheva* – PhD (Philology), (Voronezh State University, Associate Professor), *E.O. Oparina* – PhD (Philology), (INION RAN, Senior Researcher), *O.V. Petrova* – PhD (Philology), (Linguistics University of Nizhny Novgorod, Associate Professor), *V.V. Sdobnikov* – Doctor of Philology (Linguistics University of Nizhny Novgorod, Associate Professor), *A.L. Semenov* – Doctor of Philology, MSLU, Professor), *L.I. Covic* – Doctor of Philology, Doctor of Social Sciences (Pan-European University, Republika Srpska, Bosnia and Herzegovina, Professor), *G.T. Khukhuni* – Doctor of Philology (State University of Education of the Ministry of Education, Russian Federation, Professor).

Executive Secretary –

M.B. Rarenko (INION RAN, Leading Researcher)

Responsible for the Issue –

E.O. Oparina (INION RAN, Senior Researcher),

M.B. Rarenko (INION RAN, Leading Researcher)

The scientific journal «Aktual'nye voprosy teorii i praktiki perevoda = Current Issues of Translation Theory and Practice» is indexed in Russian Science Citation Index (RSCI).

DOI: 10.31249/perevod/2025.03.00

ISSN 3034–6541

© INION RAN, 2025

Уважаемые читатели и авторы нашего журнала!

Мы рады представить вам третий номер журнала «Актуальные вопросы теории и практики перевода», который станет регулярным периодическим изданием (планируется 4 выпуска в год). К идее создать журнал, в котором теоретики и практики перевода могли бы поделиться своими размышлениями о трудностях перевода и тем, как их преодолевать, мы шли довольно долго. Сегодня перевод стал явлением настолько масштабным, что охватить и представить все виды перевода, все ситуации перевода становится все труднее. В связи с этим и возникла идея о создании специализированного журнала как платформы для встречи на страницах журнала как тех, кто профессионально занимается изучением перевода как сложнейшего вида речемыслительной и коммуникативной деятельности, так и для профессиональных переводчиков, а также тех, кто вовлечен в процесс подготовки будущих переводчиков.

Требования к публикациям и оформлению статей изложены в конце этого номера.

Коллектив редакции журнала будет рад получить предложения и пожелания относительно содержания журнала. Надеемся, что журнал объединит наши общие усилия, станет площадкой для плодотворного сотрудничества – обсуждения разных аспектов перевода.

Ваши предложения и статьи ждем по адресу:

Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук (ИНИОН РАН), 117418, Москва, Нахимовский пр-т, д. 51/21, каб. 202, 207, Отдел языкознания ИНИОН РАН

E-mail редакции: linguistics-inion@yandex.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА В ЗЕРКАЛЕ ПЕРЕВОДА

<i>Масленникова Е.М.</i> Басни И.А. Крылова как культурный трансфер, или Любовь к басенному жанру как национальная черта	9
---	---

ПРАГМАТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПЕРЕВОДА

<i>Хухуни Г.Т., Осипова А.А.</i> Об одной прерванной переводческой традиции	25
<i>Петрова О.В.</i> Релевантность как фактор, определяющий выбор варианта перевода	33
<i>Пугачева Е.Ю.</i> Перевод заголовков как построение культурных мостов	45

МЕЖСЕМИОТИЧЕСКИЙ ПЕРЕВОД

<i>Раренко М.Б.</i> Аудиовизуальный перевод как объект исследования	54
Требования к авторам и оформлению статей	65

CONTENTS

FICTION IN THE MIRROR OF TRANSLATION

<i>Maslennikova E.M.</i> I.A. Krylov's Fables as a Cultural Transfer, or Love for the Fable Genre as a National Trait.....	9
---	---

PRAGMATIC ISSUES OF TRANSLATION

<i>Khukhuni G.T., Osipova A.A.</i> On One Interrupted Tradition in Translation History.....	25
<i>Petrova O.V.</i> Relevance as a Factor, Determining the Choice of a Translation Option	33
<i>Pugacheva E.Yu.</i> The Translation of Titles as Cultural Bridging	45

INTERSEMIOTIC TRANSLATION

<i>Rarenko M.B.</i> Audiovisual Translation as an Object of Research	54
Requirements for the Authors and Their Articles	65

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА В ЗЕРКАЛЕ ПЕРЕВОДА

FICTION IN THE MIRROR OF TRANSLATION

УДК 811.111'23

DOI: 10.31249/perevod/2025.03.01

МАСЛЕННИКОВА Е.М.*

БАСНИ И.А. КРЫЛОВА КАК КУЛЬТУРНЫЙ ТРАНСФЕР, ИЛИ ЛЮБОВЬ К БАСЕННОМУ ЖАНРУ КАК НАЦИОНАЛЬНАЯ ЧЕРТА

Аннотация. Начиная с конца XVIII в. европейские авторы пытались определить статус русской литературы относительно мировой литературы, опровергнув или отстояв ее самостоятельность и национальное своеобразие. Они спорили о том, кто из русских авторов способствовал развитию национального литературного языка, чье творчество является наиболее оригинальным и самобытным, независящим от влияния других литератур. В XIX в. самым переводимым русским автором стал И.А. Крылов. Знакомство с его баснями считалось обязательным для желающих получить представление о русском национальном характере. В баснях видели не просто источник национально-специфической лингвокультурной информации, а модель русской культуры в целом, с ее системой ценностей и устоявшимися лингвокультурными сценариями. В статье рассматривается история появления переводов басен И.А. Крылова и причины, побудившие переводчиков обратиться к ним.

Ключевые слова: текст; национальный характер; И.А. Крылов; басня; перевод; субъективность; интерпретация; культурный трансфер.

Для цитирования: Масленникова Е.М. Басни И.А. Крылова как культурный трансфер, или Любовь к басенному жанру как национальная черта // Актуальные вопросы теории и практики перевода. – 2025. – № 3. – С. 9–24. – DOI: 10.31249/perevod/2025.03.01

* **Масленникова Евгения Михайловна** – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры герменевтической лингводидактики и английской филологии Тверского государственного университета; e-maslennikova@inbox.ru

© Масленникова Е.М., 2025

MASLENNIKOVA E.M.*

I.A. KRYLOV'S FABLES AS A CULTURAL TRANSFER, OR LOVE FOR THE FABLE GENRE AS A NATIONAL TRAIT

Abstract. Since the end of the 18th century, European authors have tried to determine the status of Russian literature in the context of world literature by either arguing for or against its independent national identity. They disagreed over which Russian writers helped create the national literary language and which writings were the most original and unique, having not been influenced by other literatures. I.A. Krylov was the most translated Russian author in the 19th century. His fables were considered essential reading for anybody hoping to understand the character of the Russian people. Fables were seen as a model of Russian culture, its system of values and customs, not only a source of linguistic and cultural knowledge unique to the country. The history of translations of I.A. Krylov's fables is shown. The article discusses the motivations behind translators' work at I.A. Krylov's fables.

Keywords: text; national character; I.A. Krylov; fable; translation; subjectivity; interpretation; cultural transfer.

For citation: Maslennikova E.M. I.A. Krylov's Fables as a Cultural Transfer, or Love for the Fable Genre as a National Trait // Current Issues of Translation Theory and Practice. – 2025. – N 3. – P. 9–24. DOI: 10.31249/perevod/2025.03.01

Европейские читатели XVIII–XIX вв. практически всю основную информацию о России получали, как правило, из публикаций тех европейцев, кто «заглядывал» в далекую и таинственную страну во время своих путешествий по Европе или пребывал там некоторое время в качестве дипломата, торгового представителя или журналиста. Шотландский ученый У. Ричардсон (William Richardson (1743–1814)) оказался в России в 1768 г., будучи учителем сыновей британского дипломата Ч. Каткарта (Charles Schaw Cathcart (1721–1776)), возглавлявшего посольство в Санкт-Петербурге до 1772 г. По возвращении домой У. Ричардсон опубликовал книгу [Richardson, 1784], в которой упоминает о том, что русские читатели имеют особое пристрастие к немецкой литературе, в особенности к переведенным басням. Пастор английской колонии в российской столице У. Тук (William Tooke (1744–1820)) перевел на английский язык книгу «Russia» немецкого натуралиста, этнографа и путешественника И.-Г. Георги (Johann Gottlieb Georgi (1729–1802)), также работавшего в России [Georgi, 1780–1783].

От своего сына Дж. Гарриса-младшего (1746–1820), исполнявшего обязанности посла в Санкт-Петербурге (1777–1783), английский политик и филолог Дж. Гаррис (James Harris (1709–1780)) получил в числе книжных новинок из далекой России несколько торжественных панегирических од

* **Maslennikova E.M.** – PhD (Philology), Associate Professor of Hermeneutic Linguistics and English Philology Chair at the Faculty of Foreign Languages and International Communication, Tver' State University; e-maslennikova@inbox.ru

поэта В.П. Петрова (1736–1799), что заставило его рассуждать о возможности существования литературы в стране с необычайно холодным климатом и долгой зимой [Harris, 1781]. С подобной позицией, связывающей отсутствие русской национальной литературы с холодным климатом, не соглашался побывавший в нашей стране другой англичанин У. Кокс (William Coxe (1747–1828)), указавший на то, что инок Киево-Печерского монастыря Нестор создавал свои летописи в те времена, когда Польша и Швеция не имели никакой письменности [Coxe, 1784]. Имена отдельных русских писателей и поэтов, среди которых М.В. Ломоносов, А.П. Сумароков, В.К. Тредиаковский, М.М. Херасков, князь А.Д. Кантемир и другие, упоминались многими путешественниками, интересовавшимися разными сторонами жизни в России и пытавшимися показать своим современникам, что страна не является дикой и нецивилизованной [Coxe, 1784; Hunter, 1817] и др.

Немецкий профессор Ф. Отто (Friederich Otto) при написании книги о русской литературе [Otto, 1837], в которую вошла информация о более чем 300 авторах, опирался на «Учебную книгу российской словесности, или Избранные места из русских сочинений и переводов в стихах и прозе с присовокуплением кратких правил риторики и пиитики и истории российской словесности» (1819–1822) Н.Н. Греча (1787–1867). Английский перевод книги, над которым работал магистр Оксфордского университета Дж. Кокс (George Cox (1811–1839)), является авторизованным [Otto, 1839]: автор и переводчик познакомились в 1839 г. в курортном городе Эмсе. Кроме благодарности за помощь от издателя великому князю наследнику-цесаревичу Александру, будущему императору Александру II (1818–1881), посетившему Лондон в 1839 г., в книге имеется посвящение от переводчика князю И.С. Гагарину (1814–1882). Именно после знакомства с ним в Мюнхене у Дж. Кокса возник интерес к русской литературе. Между прочим, во время службы князя И.С. Гагарина при дипломатической миссии ее внештатным атташе был поэт Ф.И. Тютчев (1803–1873).

Практически одновременно ведущие парижские и лондонские литературные журналы информировали читателей о последних новинках книжного рынка в России, например, о выходе девятого тома «Истории государства Российского» Н.М. Карамзина [Rossie, 1821; Russia, 1821]. Что касается переводов произведений русских авторов, то в большинстве случаев тексты сначала переводили на немецкий язык, что, вероятнее всего, объясняется исторически сложившимися более тесными отношениями между Российской империей и немецкими княжествами, а также значительным числом выходцев из них, поступивших на русскую службу. Скорее всего, именно для таких «русских немцев» и был предназначен перевод поэмы А.С. Пушкина «Руслан и Людмила» (1820), выдержавший сразу два переиздания подряд [Puschkin, 1823; Puschkin, 1824], в то время как французы и англичане могли ознакомиться с ней только по кратким пере-сказам ее содержания в журнальных обзорах.

В самой России постоянно отслеживались западные публикации о стране, а на негативные публикации часто заставляли писать опровержения. Так, пренебрежительное описание в одной из статей России как *barbarous Russia* (буквально 'варварская страна') заставило анонима, скрывшегося под говорящим псевдонимом *Россиянинов (Rossiyaneevnov)*, написать письмо редактору [Rossiyaneevnov, 1832], где, рассказывая о достижениях русской литературы, он потребовал признать русских авторов равноправными литературными братьями («brethren of the republic of letters»).

В попытке объяснить читателям суть и характер творчества русских авторов часто используются сравнения типа *the X of Russia* или *the Russian X*, где вместо переменной *X* подставляется фамилия автора, принадлежащего к «своей» национальной литературе. Так, А.С. Пушкина называют «русским Байроном» [Granville, 1828], А.В. Кольцова – «русским Бёрнсом», Д.И. Фонвизина – «русским Мольером» [Towne, 1899] и т.д.

В 1820-е годы начинают выходить первые антологии переводов произведений русских авторов, где издателями и составителями выступали сами переводчики. Крупный британский предприниматель и экономист, будущий член палаты общин парламента Великобритании (1835) и четвертый губернатор Гонконга (1854) Дж. Бауринг (John Bowring (1792–1872)) на собственные средства опубликовал в 1821 г. первый из двух томов своей антологии русской поэзии [Bowring, 1821]. Книга вышла после его возвращения из длительного путешествия по странам Европы (1819–1820), во время которого он также посетил Россию. Десять лет (1814–1824) провел в России, работая в семейной фирме, будущий крупный банкир У. Льюис (W.D. Lewis (1792–1881)) из Филадельфии, где ему принадлежали не только промышленные предприятия, но и целые железнодорожные компании. Его книга «*The Bakhchegarain Fountain, and Other Poems*» (1849) стала первой изданной в США антологией русских поэтов. Если У. Льюис выучил русский язык, то насколько хорошо знал язык Дж. Бауринг, считающийся полиглотом, остается неизвестно. Имеются сведения, что при отборе текстов ему помогал некто Аделунг (Adelung); скорее всего, это этнический немец Ф. Аделунг (Friedrich von Adelung (1768–1843)), служивший во время его визита в 1819 г. при Коллегии иностранных дел. (Отметим, что Э. Дюпре де Сент-Мор (Emile Dupré de Saint-Maure (1772–1854)), чья антология была посвящена императору Александру I [Dupré, 1823], сознавался, что за четыре года жизни в России язык он не выучил.)

Анализ различных изданий XIX в. показал, что чаще всего составителями различных антологий и сборников выступали переводчики, они осуществляли отбор произведений исходя из собственных предпочтений, т.е. исходили из личных интересов, а не руководствовались требованиями издателя или книжного рынка. Например, интерес Э. Сазерланда (Edwards H. Sutherland (1828–1906)) к так называемому польскому вопросу

нашел отражение в написанных им книгах «The Polish Captivity» (1863) и «The Private History of a Polish Insurrection» (1865). Соответственно, в его обзор русской литературы [Sutherland, 1861] попадает перевод отрывка из исторической поэмы К.Ф. Рылеева «Войнаровский» (1825). Британская поэтесса, писательница и музыкальный критик Роза Ньюмарч (Rosa Harriet Newmarch (1857–1940)) неоднократно посещала Россию для работы в библиотеке в Санкт-Петербурге под руководством критика В. Стасова. Она активно занималась популяризацией русской музыки в Англии, в том числе написав книги о П.И. Чайковском «Tchaikovsky» (1900) и «The Life and Letters of Tchaikovsky» (1908), а также по истории русской оперы и искусства «The Russian Opera» (1914) и «The Russian Arts» (1917). Неудивительно, что для своей антологии русской поэзии [Newmarch, 1907] она выбрала басню «Квартет».

В большинстве случаев списки упоминаемых русских авторов и списки отобранных для перевода их произведений, включаемые в разные издания, примерно одинаковые.

Итак, какой автор оказывается самым переводимым с того самого времени, когда Запад начинает интересоваться русской литературой? Чьи произведения и какой жанр получают признание как самые «русские» по духу и национально-специфические, став частью культурного трансфера?

Проведенный нами анализ подтверждает точку зрения критика и литератора князя С.М. Волконского (1860–1937) относительно того, что в конце XIX в. самым востребованным русскоязычным автором с точки зрения количества имеющихся переведенных его произведений на разные языки [Wolkonsky, 1897] стал баснописец И.А. Крылов (1768/69–1844). Именно его признают самым популярным русским автором [Towne, 1899], чьи произведения становятся первыми книгами, которые читают дети. Именно его басни читал во время своего выступления 8 января 1892 г. на заседании в «Королевском Объединенном институте оборонных исследований», где было принято решение о создании «Англо-русского литературного общества» (Anglo-Russian Literary Society), Эдвард Казалет (Edward Alexander Cazalet (1836–1923)), называвший себя родившимся в России британским подданным, для которого русский язык стал первым [Cazalet, 1892]. Позднее басни И.А. Крылова на английский язык [Krylov, 1926] перевел сэр Б. Парес (Bernard Pares (1867–1949)), сменивший Э. Казалета после его смерти на посту председателя данного общества, призванного укрепить связи между Россией и Великобританией, популяризируя русский язык, русскую культуру и русскую литературу.

В своих путевых заметках врач А.Б. Гранвилл (Augustus Bozzi Granville (1783–1872)), путешествующий по России в 1827 г., рассказывая о состоянии литературы в стране, признает по-настоящему оригинальным только И.А. Крылова [Granville, 1828]. Британская энциклопедия называет русскими национальными поэтами [Russian Language..., 1841] Г.П. Державина, воспевшего свою эпоху, и И.А. Крылова, показавшего в баснях про-

заическую сторону жизни с ее абсурдными ситуациями. В особенности отмечается, что строки из его басен используются наряду с поговорками и пословицами. В XX в. признанные уникальными басни И.А. Крылова включаются в различные антологии в числе лучших образцов жанра [Æsop'..., 1913].

В 1824 г. лондонский журнал *The Westminster Review* публикует обзор состояния русской литературы [Politics..., 1824], написанную на основе статьи «Взгляд на старую и новую словесность в России» (1823) писателя и декабриста А.А. Бестужева-Марлинского (1797–1837). Анонимный автор не ограничился переводом статьи на английский язык или ее пересказом. Если А.А. Бестужев-Марлинский восхищается тем, что басни И.А. Крылова, напоминая басни Ж. Лафонтена, на самом деле раскрывают «русский здравый ум», являясь «сильнейшей сатирой», то анонимный автор считает, что они отражают добродушную философию, заявляя, что переводы его басен на английский язык станут ценным подарком для английской литературы, благодаря своей оригинальности и остроумию.

Э. Сазерланд [Sutherland, 1861] утверждал, что в русской литературе жанр басни стал «продуктом» царящего в обществе деспотизма, но при этом в обществе не задумываются о нравоучительном характере жанра, но зачитываются «русским Эзопом» («а Russian Aesop»). Действительно, начиная с XVII в. многие авторы книг о России, ее истории и жителях указывали на необычайную любовь ее жителей к жанру басни, объясняя это странной национальной привычкой русских искать во всем скрытый смысл. Вместе с первыми книгами по арифметике, истории и военному делу, изданными по распоряжению царя Петра I в амстердамской типографии голландского купца, книгоиздателя и книготорговца Яна Тессинга, в 1700 г. вышли иллюстрированные 47 гравюрами «Притчи Эзоповы» (1700) в переводе И.Ф. Копиевского (1651–1714), который владел семью языками. Царь даровал Я. Тессингу право печатать книги на русском (церковнославянском) языке, а переводчику – должность переводчика при Посольском приказе. Об огромной популярности басен Эзопа в России свидетельствует и тот факт, что в начале XVII в. Летний сад в Санкт-Петербурге украшали изготовленные из свинца статуи басенных героев [Весь..., 1851, с. 334]. У входа в лабиринт стояла изготовленная в натуральную величину и позолоченная статуя баснописца, а у каждого фонтана была надпись с кратким содержанием каждой басни [Справочный..., 1853, с. 320].

В журнале *Fraser's magazine* выходят две статьи, посвященные особенностям развития жанра басни в России [Russian Fabulists..., 1839; Russian Fabulists..., 1842]. Их пожелавший остаться анонимным автор полагает, что отличительной особенностью басен И.А. Крылова является то, что они пользуются огромной популярностью у представителей всех сословий, а отсутствие в них какой-либо надменности или пошлости допускает их чтение в любом возрасте. Аноним не только демонстрирует зна-

комство с русской литературой и западными публикациями о ней, но также предлагает собственные переводы 16 басен И.А. Крылова, назвав лучшей из них басню «Апеллес и Ослёнок» (1816), так как она направлена против излишнего самомнения, самолюбия и заносчивости, т.е. против качеств, порицаемых в светском обществе.

Итак, И.А. Крылов написал 236 басен, которые были собраны в девять прижизненных сборников, вышедших с 1809 по 1843 г.

Первыми из них были переведены на английский язык «Осёл и соловей» («The Ass and the Nightingale») и «Лебедь, Щука и Рак» («The Swan, the Pike, and the Crab») [Bowring, 1821]. Переведенная Дж. Баурингом басня «Осёл и Соловей» по рукописи, полученной лично от автора («Krilov gave me this fable in MS»), была немедленно рекомендована к обязательному прочтению на начальном этапе обучения в числе текстов из хрестоматии [Pierpont, 1823], изданной в США поэтом и священником Дж. Пьерпоном (John Pierpont (1785–1866)). В комментарии к французскому переводу басни «Крестьянин и Лисица» («Le Paysan et le Renard») [Dupré, 1823] говорится о национальной любви русских к использованию в речи пословиц и поговорок, а в качестве одного из примеров приведена пословица «Le kopek conserve le rouble(s)» (буквально ‘Копейка рубль бережёт’). Вернувшийся в США банкир У. Льюис опубликовал в 1825 г. в местной газете переводы басен «Лев и Волк» («The Lion and the Wolf»), «Туча» («The Cloud»), «Пловец и море» («The Shipwrecked Sailor and the Sea») [Wiener, 1902].

Крупным международным проектом стало двухтомное издание 89 басен И.А. Крылова с их параллельным переводом на французский и на итальянский языки [Fables..., 1825; Fables..., 1825; Favole..., 1827], профинансированное в 1825 г. тайным советником, сенатором и камергером графом Г.В. Орловым (1777–1826). Издание открывает басня «Орёл и Паук», возможно, по причине аллюзивных связей между фамилией мецената (*Орлов – орел*), позволяющих знакомым с русской историей «увидеть» обстоятельства, способствовавшие возвышению при дворе братьев Орловых, получивших и утративших привязанность императрицы Екатерины II. Граф, проживавший в Париже из-за болезни своей жены, привлек лучших писателей, поэтов и баснописцев Франции и Италии, работавших по подстрочникам, подготовленных графом только по тем басням, которые являются самостоятельными произведениями и не восходят к какому-либо литературному первоисточнику. Многие из 73 участников проекта играли важную роль в европейской светской и культурной жизни, в литературе и политике. Например, перевод басни «Гуси» («Les Oies») подписан именем Roget L’Isle, автора слов и музыки революционного гимна «Марсельеза» – Клода Жозефа Руже де Лиля (Claude Joseph Rouget de Lisle (1760–1836)). В большинстве случаев переводы представляют собой вольное изложение содержания исходного текста, иногда переориентированное на актуальные реалии того времени. Судя по предисловию графа Г.В. Орлова, обращавшегося к самому баснописцу («Любезный друг Иван Андреевич!»), издание

рассматривалось им в определенном смысле как своеобразный инструмент идеологической пропаганды: «пускай иноземцы, кои испытали всю силу и твердость русского меча узнают, что сей народ <...> заслуживает не менее уважения и почтения, как и со стороны славы и побед грядущих в честь его во всей вселенной».

Изданная в Лондоне книга «Poetical Translations From the Russian Language» вышла с посвящением царю Николаю I и включала переводы четырех басен: «Собачья дружба» («The Friendship of Dogs»), «Демьянова уха» («The Broth of Jack»), «Любопытный» («The Naturalist»), «Сочинитель и Разбойник» («The Robber and the Author») [Saunders, 1826]. Автором и переводчиком выступил профессиональный военный, гвардии капитан саперной службы его Императорского величества Уильям Генри Сандерс (William Henry Saunders (?–1838)).

Аноним [Russian Fabulists..., 1839; Russian Fabulists..., 1842], назвав переводы из издания графа Г.В. Орлова только версиями (versions) оригинала, предлагает собственные переводы 16 басен И.А. Крылова: «Апеллес и Ослёнок» («Apelles and the Ass»), «Листы и Корни» («The Leaves and the Roots»), «Свинья» («The Hog»), «Гуси» («The Geese»), «Собачья дружба» («Canine Friendship») и «Демьянова уха» («The Soup»), «Бочка» («The Cask»), «Конь и Всадник» («The Horse and His Rider» (1816)), «Лжец» («The Liar»), «Орёл и Паук» («The Eagle and the Spider» (1811)), «Осёл и Соловей» («The Ass and the Nightingale»), «Пчела и Мухи» («The Two Files and the Bee»), «Ручей» («The Brook»), «Сокол и Червяк» («The Eagle and the Worm»), «Фортуна и нищий» («Fortune and the Beggar»), «Зеркало и Обезьяна» («The Monkey and the Mirror»).

Получив должность профессора Императорского Александровского лицея, бывшего Царскосельского лицея, и Инженерного корпуса в Санкт-Петербурге, французский историк Луи Альфред Бужо (Louis Alfred Bougeault (1817–1893)) уехал в 1847 г. в Россию, где и родились его четверо детей, а во Францию он вернулся с семьей только в 1860 г. Он называет И.А. Крылова «русским Лафонтеном» [Kryloff..., 1852].

Преподававший греческий язык в гимназии курляндского города Митава Адольф Генрих Фердинанд Торней (Ferdinand Torney (1810–1874)) специализировался на античных классиках – Овидии («Ovidius Naso Kunst zu lieben in 3 Gesängen», 1834), Трифиодоре («Des Tryphiodoros Zerstörung Troja's», 1861) и т.д. В отличие от переводов этих классиков его перевод басен И.А. Крылова [Iwan Krylow..., 1842] не был встречен немецкой критикой благосклонно.

В 1828 г. учитель французского языка И. Маскле (Hippolyte Masclet (1778?–?)) издал в Москве книгу басен И.А. Крылова [Fables..., 1828], куда кроме обзора русской литературы вошли выполненные новые переводы басен и некоторые переводы из парижского издания графа Г.В. Орлова.

Позднее в Париже басни И.А. Крылова выходят в переводе Шарля Парфе (Charles Parfait) [Fables, 1867], который назвал самой «русской» по

духу басню «Демьянова уха», снабдив ее подробным гастрономическим комментарием.

Перевод Ш. Парфе высоко оценил изучавший русский язык У. Ральстон (William Ralston Shedden-Ralston (1828–1889)), чьи переводы народных сказок «Russian Folk-tales» (1873, 1878, 1880 и др.) и «Russian Fairy Tales: A Choice Collection of Muscovite Folk-lore» (1887) способствовали популяризации русской литературы в Англии. Прозаический перевод басен У. Ральстона имеет лингвострановедческий и историко-этнографический комментарий [Ralston, 1869; Ralston, 1883]. Он также написал несколько статей о русском баснописце [Ralston, 1868 a; Ralston, 1868 б; Ralston, 1868 в], где анализировал содержание и смысл отдельных басен. Рецензентом третьего переиздания перевода басен (1871) выступил И.С. Тургенев [Tonnguêneff, 1871], представивший автора как самого оригинального баснописца после Ж. Лафонтена и отличающегося от него оригинальностью и флегматичным юмором, выдающим в славянской натуре ее восточное происхождение (phlegmatic humour which betrays the Orient element in Slavonic nature). И.С. Тургенев утверждает, что для получения точного представления о русском национальном характере иностранцу достаточно изучить басни И.А. Крылова. Английские критики высоко оценили перевод У. Ральстона и одобрили его решение передавать басни прозой [Krilof..., 1869].

В 1869 г. в Калькутте выходят басни И.А. Крылова [Long, 1869] в переводе преподобного Дж. Лонга (James Long (1814–1887)), который провел ранние годы своей жизни в России; был рукоположен в сан дьякона в 1839 г., а в 1846 г. отправился миссионером в Индию. Всю свою жизнь он сохранял связи с Россией, о чем свидетельствуют его книги: об освобождении крестьян «Results of the Serf Emancipation in Russia» (1864) и об англо-русском соперничестве за Центральную Азию «Russia, Central Asia, and British India» (1865). Судя по подзаголовку к изданиям басен, они рассматривались как своего рода иллюстрация о жизни в России.

В 1869 г. в Париже выходят басни И.А. Крылова [Krylov..., 1869] в переводе Жана-Франсуа Бонавентюра Флэри (Jean François Bonaventure Fleury (1816–1894)), который, уехав в Россию в 1857 г. работать гувернером и преподавателем французского языка, прожил там 37 лет, сотрудничая при этом со многими французскими газетами. Его дочь, родившаяся в России, стала писательницей, создавая под псевдонимом Анри Гревиль многочисленные романы, действие которых происходит в России. Его зять переводил произведения И.С. Тургенева и А.Н. Островского.

В 1874 г. в Лейпциге выходит полное собрание басен И.А. Крылова [Krylóf, 1874], состоящее из 197 басен и дополненное тремя ранними, в переводе выходца из Гамбурга Фридриха Лёве (Friedrich Ferdinand Benedict Löwe (1809–1889)), который долго жил в Санкт-Петербурге (1836–1848), где служил в библиотеке Академии наук. Переехав после отставки в Ревель, он опубликовал свой перевод басен, который считается одним из лучших и про-

должает переиздаваться. Перевод вышел с посвящением поэту и прозаику Эдварду Мёрике (Eduard Friedrich Mörike (1804–1875)) из Вюртенберга и И.С. Тургеневу, переводившему его стихи («Die Soldatenbraut», «Agnes») для альбомов романсов певицы П. Виардо.

Неизвестно, знал ли русский язык библиотекарь, биограф и поэт Р. Гарнетт (Richard Garnett (1835–1906)), служивший хранителем печатных книг в Британском музее (1890–1899), но благодаря его невестке К. Гарнетт (Constance Garnett (1861–1946)), дружившей с русскими революционерами-эмигрантами и посетившей Москву, Санкт-Петербург и Ясную Поляну, английский читатель получил возможность ознакомиться со многими произведениями классиков русской литературы. Р. Гарнетт опубликовал переводы шести басен: «Волки и Овцы» («The Sheep's Petition»), «Щука» («The Pike»), «Муравей» («The Ant»), «Волк и Кот» («The Wolf and the Cat»), «Волк и Мышонок» («The Wolf and the Mouse»), «Лисица и Сурок» («The Fox in Ermine») [Fables..., 1879].

Изданное в Лейпциге собрание басен [Iwan Krylow..., 1881] вышло с посвящением дочери императора Николая I, ставшей благодаря браку королевой Вюртемберга. Одним из наставников, с которым в детстве занималась Великая княгиня Ольга Николаевна (1822–1892), был поэт В.А. Жуковский, продолжавший переписку с ней и после ее замужества, а русский язык и русскую словесность ей преподавал поэт и критик П.А. Плетнёв. Переводчиком указан некто С. v. Gernet, принадлежавший, судя по фамилии, к дворянам Эстляндской губернии. Возможно, это выпускник Царскосельского лицея естествоиспытатель-любитель Карл фон Гернет (Carl August v. Gernet (1819–1892)), служивший в собственной Его Императорского Величества канцелярии, а с 1856 г. в Министерстве иностранных дел чиновником особых поручений и драгоманом, т.е. переводчиком, и позднее в Удельном ведомстве, по линии которого его командировали за границу.

Составитель фразеологических словарей и общественный деятель М.И. Михельсон (1825–1908) включил в свой сборник переводов русских баснописцев кроме 71 басни И.А. Крылова также басни И.И. Хемницера, И.И. Дмитриева, А. Измайлова, П.А. Вяземского [Russischer..., 1890].

Перевод У. Ральстон подтолкнул также обратиться к басням И.А. Крылова проживающего в Санкт-Петербурге учителя английского языка Дж. Харрисона (John Henry Harrison), который в предисловии к книге своих стихотворных переводов басен подчеркивает, что особую трудность для него представляла проблема сохранения русской национальной специфики басен и подбор соответствующих языковых средств [Harrison, 1883].

В работе над антологией [Wilson, 1887] члену Королевского географического общества преподобному Чарльзу Томасу Уилсону (Rev. Charles Thomas Wilson (?–1917)) помогал некий друг, чье имя он не называет. Точно не известно, владел ли он сам русским языком, но его отец – известный востоковед и профессор санскрита Оксфордского университета

Г.Г. Уилсон (H.H. Wilson (1786–1860)). По количеству отобранных текстов «лидируют» М.Ю. Лермонтов и А.С. Пушкин, чье творчество представлено 14 и 11 произведениями соответственно. Были выбраны семь басен И.А. Крылова «Слон и Моська» («The Elephant and the Pug»), «Гуси» («The Geese»), «Вельможа» («The Grandee»), «Любопытный» («The Observer in the Museum»), «Осёл и Соловей» («The Donkey, and the Nightingale»), «Лжец» («The Liar»), «Лебедь, Щука и Рак» («The Swan, the Crayfish, and the Pike»).

В свою антологию русской поэзии «Rhymes From the Russian» [Pol-len, 1891] Дж. Поллен (John Pollen) (1848–1923) включил только одну басню «Лебедь, Щука и Рак», но под простым названием «Fable» (буквально ‘Басня’), тогда как он перевел 22 стихотворения М.Ю. Лермонтова. Отправившийся в 1871 г. в Индию для работы в правительственных учреждениях Дж. Поллен начал активно работать в качестве переводчика с русского языка в 1890 г., став впоследствии одним из главных экзаменаторов комиссии по восточным языкам (1893), которую были обязаны проходить будущие офицеры и дипломаты.

Следующий этап в появлении английских переводов басен И.А. Крылова связан с именами переводчика и фольклориста Чарльза Филлингема Коксвелла (Charles Fillingham Coxwell (1856–1940)) и сэра Бернара Пареса (Sir Bernard Pares (1867–1949)), чьи переводы продолжают переиздаваться.

Кроме перевода 86 басен в стихотворной форме [KriLöff's fables, 1920] Ч. Коксвелл также перевел сказки малых этнических народов Сибири – «Siberian and Other Folk-Tales» (1925), а его путешествия по России во время Первой мировой войны представлены в книге «Through Russia in War-time» (1917). Неоднократно посещавший Россию до революции выпускник Тринити-колледжа историк и дипломат сэр Б. Парес добился в 1907 г. основания Школы русистики (School of Russian Studies) при Ливерпульском университете, где сам преподавал русский язык до начала Первой мировой войны, после которой он был привлечен к работе в британском посольстве в Петрограде и даже оказался с Белой армией А. Колчака в Сибири.

Свой стихотворный перевод басен [Krylov, 1926; Fables, 1927] он называет результатом двадцатилетнего труда, указывая, что простые русские солдаты помогали ему понять значение крыловских выражений и образов, т.е., оказывается, что работу над баснями он продолжал во время Первой мировой войны, когда был наблюдателем при русской армии. Сэр Б. Парес, ставший экспертом по вопросам русско-европейской политики, также описал свой фронтный опыт «Day by Day With the Russian Army, 1914–15» (1915).

Имеющиеся у поздних переводчиков басен И.А. Крылова связи с Россией являются не столь явными, как у переводчиков XIX – первой половины XX в. Например, на немецкий язык басни [Krylow, 1960] перевел Р. Бехтольд (Rudolf Berthold (1917–2013)), изучавший славистику и гума-

нитарные науки в Базельском университете, где потом получил докторскую степень (1945) и остался на преподавательской работе, став первым, кто когда-либо преподавал и изучал историю Восточной Европы в швейцарском университете. Р. Бехтольд также перевел на немецкий язык комедию А.С. Грибоедова «Горе от ума». Интерес к России ему привила его преподаватель с русско-швейцарскими корнями – первая женщина-профессор Базельского университета Е.Э. Малер (1882–1970), переехавшая на родину отца в 1920 г., где ее специализацией стали русское народное творчество и этнография. Именно ей удалось получить и сохранить архив поэтессы М. Цветаевой. В одной из рецензий на адаптированное издание 12 басен [Heins, 1995], подготовленное издателем и специалистом по детской литературе Э. Хайнц (Ethel L. Heins (1918–1997)), сообщается, что она работала совместно с неким русским переводчиком. Вполне вероятно, что она сама могла в некоторой степени владеть русским языком, так как ее родители и родители ее мужа родились в Российской империи, откуда иммигрировали в США. До замужества фамилия ее матери была Маршак.

Французский литературный критик и почетный профессор Дижонского университета М. Колин (Maurice Colin (1913–1999)) издал в своем переводе с комментариями роман А.С. Пушкина «Евгений Онегин» (1980) и басни И.А. Крылова [Fables..., 1978]. Руководителем его диссертации, посвященной творчеству баснописца и защищенной в 1971 г., был родившийся в Париже в семье эмигрантов профессор Лилльского университета и Сорбонны Никола Вайсбейн (Nicolas Weisbein (1911–1994)), передавший личную библиотеку русских книг в дар Национальной университетской библиотеке в Страсбурге.

Кроме басен И.А. Крылова [15 Fables..., 1965], американский переводчик и поэт Гай Дэниелс (Guy Daniels (1920–1989)) перевел на английский язык пьесы В. Маяковского, книгу академика А.Д. Сахарова, автобиографию певицы Галины Вишневской (1984). В его некрологе говорится о его интересе к произведениям советских диссидентов, что, наверное, объясняет и выбор для перевода басен, долгое время считавшихся в англоязычном мире скрытой критикой действующего режима.

Анализ переводов показал, что наиболее востребованными баснями из творческого наследия И.А. Крылова являются (в алфавитном порядке): «Гуси» (1811), «Демьянова уха» (1813), «Квартет» (1811), «Лебедь, Щука и Рак» (1816), «Осёл и Соловей» (1811), «Тришкин кафтан» (1815) и «Фортуна и нищий» (1813). Скорее всего, басня о спасших Рим гусях привлекает читателей неявно высказанными в ней демократическими идеями о том, что заслуги предков не должны влиять на оценку человека. Басня «Демьянова уха» любопытна описанием гостеприимства: многие первые путешественники писали о небывалом размахе русского гостеприимства как национальной черты. Басни «Квартет» и «Лебедь, Щука и Рак» показывают печальный результат, к которому приводит неслаженная работа.

Абсурдная ситуация из басни «Гришкин кафтан», где бедность и глупость неумелого, но неунывающего хозяина, надеющегося на «авось», приводят к бестолковому решению проблемы распределения имеющихся в наличии ресурсов. А. Вежбицкая писала о частице «авось» с позиции типичной для русской культуры темы «судьбы». Осёл из басни «Осёл и Соловей» олицетворяет критика. Аллегорическая басня «Фортуна и нищий» высмеивает стремление богатых стать еще богаче, когда не ценится то, что человек имеет.

С одной стороны, переводчики выбирали басни, указывающие на общечеловеческие ценности и пороки (жадность, неумение работать вместе или, говоря современным языком, отсутствие навыков *team-building*'а). С другой стороны, вероятно, выбранные басни отражают определенные отличительные черты русской лингвокультуры и некоторые особенности русского национального характера.

Список литературы

- Весь Петербург в кармане.* – Санкт-Петербург : Тип. Н. Греча, 1851. – 630 с.
- Справочный энциклопедический словарь.* – Санкт-Петербург : Издание К. Крайя, 1847–1855. – Т. 7: Л-Мар. – 1853. – 486 с.
- 15 fables of Krylov.* – New York : Macmillan, 1965. – 33 p.
- Aesop's fables: An Anthology of the Fabulists of All Countries.* – London : J.M. Dent & Sons, Ltd.; New York : E.P. Dutton & Co., 1913. – 231 p.
- Bowring J.* Российская антология. – London : R. and A. Taylor, 1821. – Vol. 1. – 281 p.
- Cazalet E.* The Russian Language and Literature. – London : Harrison, 1892. – 23 p.
- Coxe W.* Travels Into Poland, Russia, Sweden, and Denmark. – London : Printed by J. Nichols, for T. Cadell, 1784. – Vol. 1–3.
- Dupré de Sainte-Maure E.* Anthologie russe, suivie de poésies originales. – Paris : C.J. Trouvé, 1823. – 360 p.
- Fables de Krilof.* – Paris : Henri Plon, 1867. – 288 p.
- Fables de Krylov: traduction et commentaire.* – Paris : Belles Lettres, 1978. – 279 p.
- Fables de m. J. Krylov.* – Moscou : De L'Imprimerie D'Auguste Semen : Imprimeur de l'Académie Impér. Med. Chirurgicaif, 1828. – 270 p.
- Fables from Krilof// The University Magazine.* – 1879. – Vol. 4, (July to December). – P. 695–698.
- Fables russes, tirées du recueil de M. Kriloff.* – Paris : Bossange, 1825. – Vol. 1. – 250 p.
- Fables russes, tirées du recueil de M. Kriloff.* – Paris : Bossange, 1825. – Vol. 2. – 350 p.
- Fables.* – New York : Harcourt, Brace, 1927. – 271 p.
- Favole russe.* – Perugia : Presso Bartelli e Costantini, 1827. – 252 p.
- Georgi J.-G.* Russia. – London : Printed for J. Nichols, T. Cadell, In the Strand, H. Payne, Pall-Mall, and N. Conant, Fleet-Street, 1780–1783. – Vol. 1–3.
- Granville A.B.* St. Petersburg. Vol. 2. – London : H. Colburn, 1828. – 804 p.
- Harris J.* Philological Inquiries. – London : C. Nourse, 1781. – Vol. 1–2.
- Harrison I.H.* Kriloff's Original Fables. – London : Remington & co., 1883. – 227 p.
- Heins Ethel L.* The Cat and the Cook and Other Fables of Krylov. – New York : Greenwillow Books, 1995. – 32 p.
- Hunter C.G.* Russia. – London : Crabb, 1817. – 389 p.
- Iwan Krylow's Fabeln: in acht Büchern.* – Mitau; Leipzig : G. Reyher, 1842. – 308 S.

- Iwan Krylow's sämtliche fabeln.* – Leipzig : O. Wigand, 1881. – 210 S.
- Krilof and His Fables* // The Athenaeum. – 1869. – N 2154, (February 6). – P. 203–204.
- Kriløff's fables* / K. Paul, Trench Trubner. – London, 1920. – 176 p.
- Krylöf's sämtliche fabeln.* – Leipzig : F.A. Brockhaus, 1874. – 264 S.
- Kryloff, ou, Le La Fontaine russe: sa vie et ses fables.* – Paris : Garnier frères, 1852. – 107 p.
- Krylov et ses fables.* – Paris : Librairie de L. Hachette et Cie., 1869. – 152 p.
- Krylov's Fables.* – London : J. Cape, 1926. – 271 p.
- Krylow I.A.* Sämtliche Fabeln. – Zürich : Die Waage, 1960. – 309 S.
- Long D.* Krilof's Fables, Illustrating Russian Social Life. – Calcutta : «Englishman» Press, 1869. – 46 p.
- Newmarch R.* Poetry and Progress in Russia. – London : J. Lane; New York : J. Lane Company, 1907. – 270 p.
- Otto F.* Lehrbuch der Russischen Literatur. – Leipzig; Riga : Eduard Frantzen's Buchhandlung, 1837. – 317 S.
- Otto F.* The History of Russian Literature. – Oxford : D.A. Talboys, 1839. – 452 p.
- Pierpont J.* The American First Class Book. – Boston : T.P. & J.S. Fowle, 1823. – 480 p.
- Politics and Literature of Russia* // The Westminster Review. – 1824. – Vol. 1, January – April. – P. 80–101.
- Pollen J.* Rhymes From the Russian. – London : K. Paul, Trench, Trübner & co., Ltd., 1891. – 148 p.
- Puschkin A.* Der Berggefangene. – St. Petersburg : Buchdr. der besondern Kanzellei des Ministeriums des Innern, 1824. – 68 S.
- Puschkin A.* Der Berggefangene. – St. Petersburg : In der Buchdrückerei der Besondern Kanzlei des Ministeriums von Innern, 1823. – 32 S.
- Ralston W.R.S.* A Russian Fabulist // Good Words. – 1868 a. – N 1, January 1. – P. 39–45.
- Ralston W.R.S.* A Russian Fabulist // Good Words. – 1868 b. – N 4, April 1. – P. 215–221.
- Ralston W.R.S.* A Russian Fabulist // Good Words. – 1868 c. – N 7, July 1. – P. 413–420.
- Ralston W.R.S.* Krilof and His Fables. – London : Strahan and Co., 1869. – 180 p.
- Ralston W.R.S.* Krylof and His Fables. – London : Cassell & Company, Ltd., 1883. – 180 p.
- Richardson W.* Anecdotes of the Russian Empire. – London : Printed for W. Strahan and T. Cadell, 1784. – 478 p.
- Rossie* // Revue encyclopédique. – Paris, 1821. – Vol. 9. – P. 382.
- Rossiyaneevov.* Russian Literature // The Mechanics' Magazine, Museum, Register, Journal, and Gazette. – 1832. – Vol. 16, October 1. – P. 268–269.
- Russia* // The New Monthly Magazine. – London, 1821. – Vol. 3. – P. 621.
- Russian Fabulists, with Specimens* // Fraser's magazine for Town and Country. – 1839. – Vol. 19, January to June. – P. 153–163.
- Russian Fabulists, with Specimens.* Second Article // Fraser's Magazine for Town and Country. – 1842. – Vol. 25, (Jan. – June). – P. 238–250.
- Russian Language and Literature* // The Popular Encyclopedia. – Glasgow : Blakie & Son, 1841. – Vol. 6, Pt 1. – P. 56–61.
- Russischer Fabelschatz:* Chemnitzer, Dmitriew, Ismailow, Fürst Wäsemsky, Krylow. – St. Petersburg : Schroeder, 1890. – 111 S.
- Saunders W.H.* Poetical Translations From the Russian Language. – London : G., J. and J. Neele, 1826. – 63 p.
- Sutherland Edwards H.* The Russians at Home. – London : W.H. Allen and co., 1861. – 432 p.
- Tonguëneff I.* Krilof and His Fables / by W.R.S. Ralston // The Academy. – 1871. – N 28, (15 July). – P. 345.
- Towne E.C.* Library of the World's Best Literature, Ancient and Modern. – New York : R.P. Sowe and J.A. Hill, 1899. – Vol. 3. – 565 p.

- Wiener L. *Anthology of Russian Literature From the Earliest Period to the Present Time.* – New York; London : G.P. Putnam's Sons, 1902. – Vol. 2. – 534 p.
- Wilson Ch. *Russian Lyrics in English Verse.* – London : Trübner & Co., 1887. – 271 p.
- Wolkonsky S. *Pictures of Russian History and Russian Literature.* – Boston, etc. : Lamson, Wolfe and Company, 1897. – 316 p.

References

- All of Petersburg in Your Pocket.* Saint Petersburg: tip. N. Grecha, 1851. 630 p. (In Russian).
- Reference Encyclopedic Dictionary.* Saint Petersburg: Edition of K. Kraya, 1847–1855. T. 7: L-Mar. 1853. 486 p. (In Russian).
- 15 Fables of Krylov.* New York: Macmillan, 1965. 33 p.
- Aesop's Fables: An Anthology of the Fabulists of All Countries.* London: J.M. Dent & Sons, Ltd.; New York: E.P. Dutton & Co., 1913. 231 p.
- Bowring J. *Russian Anthology.* London: R. and A. Taylor, 1821. Vol. 1. 281 p.
- Cazalet E. *The Russian Language and Literature.* London: Harrison, 1892. 23 p.
- Coxe W. *Travels Into Poland, Russia, Sweden, and Denmark.* London: Printed by J. Nichols, for T. Cadell, 1784. Vol. 1–3.
- Dupré de Sainte-Maure E. *Anthologie Russe, Suivie de Poésies Originales.* Paris: C.J. Trouvé, 1823. 360 p.
- Fables de Krilof.* Paris: Henri Plon, 1867. 288 p.
- Fables de Krylov: Traduction et Commentaire.* Paris: Belles Lettres, 1978. 279 p.
- Fables de m. J. Krylof.* Moscou: De L'Imprimerie D'Auguste Semen, Imprimeur De L'Académie Impér. Med. Chirurgicaif, 1828. 270 p.
- Fables From Krilof.* In: *The University Magazine.* 1879. Vol. 4 (July to December). Pp. 695–698.
- Fables Russes, tirées du recueil de M. Kriloff.* Paris: Bossange, 1825. Vol. 1. 250 p.
- Fables Russes, tirées du recueil de M. Kriloff.* Paris: Bossange, 1825. Vol. 2. 350 p.
- Fables.* New York: Harcourt, Brace, 1927. 271 p.
- Favole russe.* Perugia: Presso Bartelli e Costantini, 1827. 252 p.
- Georgi J.-G. *Russia.* London: Printed for J. Nichols, T. Cadell, in the Strand, H. Payne, Pall-Mall, and N. Conant, Fleet-Street, 1780–1783. Vol. 1–3.
- Granville A.B. *St. Petersburg.* London: H. Colburn, 1828. Vol. 2. 804 p.
- Harris J. *Philological Inquiries.* London: C. Nourse, 1781. Vol. 1–2.
- Harrison I.H. *Kriloff's Original Fables.* London: Remington & co., 1883. 227 p.
- Heins Ethel L. *The Cat and The Cook and Other Fables of Krylov.* New York: Greenwillow Books, 1995. 32 p.
- Hunter C.G. *Russia.* London: Crabb, 1817. 389 p.
- Iwan Krylow's Fabeln: in acht Büchern.* Mitau; Leipzig: G. Reyher, 1842. 308 S.
- Iwan Krylow's sämtliche fabeln.* Leipzig: O. Wigand, 1881. 210 S.
- Krilof and his Fables.* In: *The Athenaeum.* 1869. N 2154. February 6. Pp. 203–204.
- Kriloff's Fables.* London: K. Paul, Trench, Trubner, 1920. 176 p.
- Krylóf's sämtliche fabeln.* Leipzig: F.A. Brockhaus, 1874. 264 S.
- Kryloff, ou, Le La Fontaine russe: sa vie et ses fables.* Paris: Garnier frères, 1852. 107 p.
- Krylov et ses fables.* Paris: Librairie de L. Hachette et Cie., 1869. – 152 p.
- Krylov's Fables, Translated Into English Verse With a Preface by Bernard Pares.* London: J. Cape, 1926. 271 p.
- Krylov's Fables.* London: J. Cape, 1926. 271 p.
- Krylow I.A. *Sämtliche Fabeln.* Zürich: Die Waage, 1960. 309 S.

- Long D. *Krilof's Fables, Illustrating Russian Social Life*. Calcutta: "Englishman" Press, 1869. 46 p.
- Newmarch R. *Poetry and Progress in Russia*. London: J. Lane; New York: J. Lane Company, 1907. 270 p
- Otto F. *Lehrbuch der Russischen Literatur*. Leipzig; Riga: Eduard Frantzen's Buchhandlung, 1837. 317 S.
- Otto F. *The History of Russian Literature*. Oxford: D.A. Talboys, 1839. 452 p.
- Pierpont J. *The American First Class Book*. Boston: T.P. & J.S. Fowle, 1823. 480 p.
- Politics and Literature of Russia // The Westminster Review*. 1824. Vol. 1. January April. Pp. 80–101.
- Pollen J. *Rhymes From the Russian*. London: K. Paul, Trench, Trübner & co., Ltd., 1891. 148 p.
- Puschkin A. *Der Berggefangene*. St. Petersburg: Buchdr. der besondern Kanzellei des Ministeriums des Innern, 1824. 68 S.
- Puschkin A. *Der Berggefangene*. St. Petersburg: In der Buchdruckererei der Besondern Kanzlei des Ministeriums von Innern, 1823. 32 p.
- Ralston W.R.S. *A Russian Fabulist*. In: Good Words. 1868 a. N 1. January 1. Pp. 39–45.
- Ralston W.R.S. *A Russian Fabulist*. In: Good Words. 1868 b. N 4. April 1. Pp. 215–221.
- Ralston W.R.S. *A Russian Fabulist*. In: Good Words. 1868 v. N 7. July 1. Pp. 413–420.
- Ralston W.R.S. *Krilof and His Fables*. London: Strahan and Co, 1869. 180 p.
- Ralston W.R.S. *Krylof and His Fables*. London: Cassell & Company, Ltd., 1883. 180 p.
- Richardson W. *Anecdotes of the Russian Empire*. London: Printed for W. Strahan and T. Cadell, 1784. 478 p.
- Rossie*. In: Revue encyclopédique. Paris, 1821. Vol. 9. P. 382.
- Rossiyaneevnov. *Russian Literature*. In: The Mechanics' Magazine, Museum, Register, Journal, and Gazette. 1831–1832. Vol. 16. (October 1 1831–April 1, 1832). Pp. 268–269.
- Russia*. In: The New Monthly Magazine. London, 1821. Vol. 3. P. 621.
- Russian Fabulists, with Specimens*. In: Fraser's Magazine for Town and Country. 1839. Vol. 19. (January to June). Pp. 153–163.
- Russian Fabulists, with Specimens*. Second article. In: Fraser's magazine for Town and Country. 1842. Vol. 25 (Jan. – June). Pp. 238–250.
- Russian Language and Literature*. In: The Popular Encyclopedia. Glasgow: Blakie & Son, 1841. Vol. 6, Pt 1. Pp. 56–61.
- Russischer Fabelschatz: Chemnitzer, Dmitriew, Ismailow, Fürst Wäsemsky, Krylow*. St. Petersburg: Schroeder, 1890. 111 S.
- Saunders W.H. *Poetical Translations From the Russian Language*. London: G., J. and J. Neele, 1826. 63 p.
- Sutherland Edwards H. *The Russians at Home*. London: W.H. Allen and co., 1861. 432 p.
- Tonrguëneff I. *Krilof and His Fables / by W.R.S. Ralston*. In: The Academy. 1871. N 28 (15 July). P. 345.
- Towne E.C. *Library of the World's Best Literature, Ancient and Modern*. New York: R.P. Sowe and J.A. Hill, 1899. Vol. 31. 565 p.
- Wiener L. *Anthology of Russian Literature From the Earliest Period to the Present Time*. New York; London: G.P. Putnam's Sons, 1902. Vol. 2. 534 p.
- Wilson Ch. *Russian Lyrics in English Verse*. London: Trübner & Co., 1887. 271 p.
- Wolkonsky S. *Pictures of Russian History and Russian Literature*. Boston etc.: Lamson, Wolffe and Company, 1897. 316 p.

ПРАГМАТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПЕРЕВОДА

PRAGMATIC ISSUES OF TRANSLATION

УДК: 81'255:22.05.06

DOI: 10.31249/perevod/2025.03.02

ХУХУНИ Г.Т., ОСИПОВА А.А.*

ОБ ОДНОЙ ПРЕРВАННОЙ ПЕРЕВОДЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ

Аннотация. В статье рассматривается судьба готской переводческой традиции, формирование которой относится к раннесредневековому периоду. Несмотря на многообещающее начало, символом которого стал принадлежащий епископу Вульфиле (Ульфи-ле) перевод Священного Писания, она весьма быстро по историческим меркам прекратила свое существование, уйдя вместе с самим народом и языком, на котором создавалась. Заслуживает внимания ее сопоставление с возникшей на несколько веков позднее славянской традицией, успешно развивавшейся, несмотря на ряд препятствий, и положившей начало ряду национальных литератур. Одной из причин такой разницы в их исторической судьбе авторы считают исповедовавшееся готами арианство.

Ключевые слова: готский; язык; перевод; традиция; Вульфила; арианство; славянский.

Для цитирования: Хухуни Г.Т., Осипова А.А. Об одной прерванной переводческой традиции // Актуальные вопросы теории и практики перевода. – 2025. – № 3. – С. 25–32. – DOI: 10.31249/perevod/2025.03.02

* **Хухуни Георгий Теймуразович** – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры теории языка, англистики и прикладной лингвистики федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Государственный университет просвещения»; khkukhuni@mail.ru

Осипова Анна Александровна – доктор филологических наук, доцент, заведующая кафедрой контрастивной лингвистики Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Московский педагогический государственный университет»; aa.osipova@mpgu.su

© Хухуни Г.Т., Осипова А.А., 2025

KHUKHUNI G.T., OSIPOVA A.A.*

**ON ONE INTERRUPTED TRADITION
IN TRANSLATION HISTORY**

Abstract. The article deals with Gothic translational tradition belonging to the early Middle Ages period. Although its beginning – the version of Holy Writ by Bishop Vulfilas (Ulfilas) was most promising, its existence judged from the historical point of view was short enough and it ended together with the Goths themselves as well as their language. Its comparison with the Slavic tradition deserves special attention. The latter emerged some centuries later, and its development despite many obstacles was quite successful and made start for different national literatures. The authors postulate that one of the factors of the said contrast was the Arianism adopted by the Goths as their religion.

Keywords: Gothic; language; translation; tradition; Vulfilas; Arianism; Slavic.

For citation: Khukhuni G.T., Osipova A.A. On One Interrupted Tradition in Translation History // Current Issues of Translation Theory and Practice. – 2025. – N 3. – P. 25–32. DOI: 10.31249/perevod/2025.03.02

В специальной и популярной литературе, посвященной вопросам библеистики, часто вспоминают слова С.С. Аверинцева о том, что с самого начала своего существования христианство – в отличие от других авраамических религий, где статус «подлинно правильных» имеют только тексты на оригинальных («священных») языках – древнееврейском и отчасти арамейском для иудаизма и классическом арабском для ислама – было «обречено на перевод». В связи с этим обычно указывается, что «проповедь христианства в том или ином народе обычно начиналась с перевода избранных библейских книг на его язык» [Десницкий, 2014]. К этому можно добавить, что с него же начиналась и история так называемых новых (неклассических) европейских (и других, охватываемых христианской ойкуменой) литературных языков, о чем писал в свое время А.А. Потебня: «<...> Известны переводы, между прочим, книг Священного Писания, по <...> влиянию на самостоятельное развитие литературы превосходящие многие оригинальные произведения», поскольку благодаря таким переводам «увеличивается в народе запас сил, которые рано или поздно найдут себе выход в более своеобразном творчестве» [Потебня, 1976, с. 266–267].

Однако в истории европейской культуры известен случай, когда традиция, также начавшаяся с перевода Библии и, казалось бы, имевшая все шансы на достойное продолжение, не только – возвращаемся к словам

* **Khukhuni G.T.** – Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of Theory of Language, English Studies and Applied Linguistics, State University of Education, Moscow; khkukhuni@mail.ru

Osipova A.A. – Doctor of Philology, Docent, Head of the Department of Contrastive Linguistics, Moscow State University of Education, Moscow; aa.osipova@mpgu.su

А.А. Потебни – не нашла «выход в более своеобразном творчестве», но и вообще перестала существовать вместе с народом, ее создававшим, и языком, на котором она создавалась. Так произошло с некогда одним из наиболее могущественных германских племен – готами.

Как известно, «готы первыми из германцев встали у истоков письменной культуры» [Зиньковская, 2015, с. 62], причем сама по себе возможность фиксации речи посредством письменных знаков была им известна и до принятия христианства и появления алфавита. Разумеется, мнение о наличии неких форм письменности у тех или иных народов до исторически засвидетельствованных ее памятников высказывалось неоднократно. Подобные утверждения делались относительно армянской и грузинской письменностей (у названных народов принятие новой веры происходило примерно в то же время, что и у готов); аналогичные суждения можно найти и относительно славян (знаменитое свидетельство черноризца Храбра о «чертах и резах», подробно рассмотренное в свое время в работе Б.Н. Флори, опиравшегося, в частности, на мнение видного представителя Пражской школы Б. Гавранка [Флоря, 2000]). Однако если в перечисленных случаях речь идет о более или менее правдоподобных *гипотезах*, то использование готами рунического письма (отдельные знаки которого были применены и при создании собственно готского алфавита) – факт несомненный и давно доказанный наличием соответствующих памятников (подробнее см.: [Mees, 2002]). Высказывалось даже мнение о том, что из всех германцев именно у готов в Причерноморье руническая письменность была применена впервые [Дубинин, Бондаренко, Тетеревёнков, 2006, с. 11].

Достаточно высоко оценивается в специальной литературе и качество самого готского алфавита, созданного на греческой основе Вульфиллой. «Этот тип письменности оказался более единообразным, последовательным и фонографичным, чем стихийно развивавшиеся несовершенные письменности остальных германцев на латинской основе» [там же].

Что касается функционирования готской письменности в последующие периоды, то, естественно, основной областью ее применения должна была стать религиозно-богослужебная сфера, в связи с чем в отечественной науке используется иногда – по несомненной аналогии с церковнославянским – термин «церковноготский» [Ганина, 2008, с. 3]. Указанное обстоятельство предопределило и присущие ему черты: несовпадение с живой диалектной речью (хотя о последней судить достаточно сложно), наличие многочисленных калек, следование нормам греческого синтаксиса и др. (ср. определение «греческий текст, одетый в готские слова» [Скардилья, 2012, с. 111]). В связи с этим готский часто называют, как и церковнославянский, «языком перевода». Однако следует иметь в виду, что область переводческой деятельности могла охватывать и другие грекоязычные тексты, а сам готский язык, как предполагается, проникал и в отдельные области административной деятельности. Высказывалась

даже гипотеза о тенденции во время правления остготского короля Теодориха не просто использовать готский в социальной жизни, но и постепенно превратить его в официальный язык своего государства [Скардили, 2012, с. 144], хотя, по понятным причинам, реализована она не была. Этому мог способствовать ряд обстоятельств.

Прежде всего, сошлемся на слова М.М. Гухман о событиях, происходивших в интересующей нас области при упомянутом выше Теодорихе (т.е. в, условно говоря, в «поствильфранкский» период): «Существование в это время оживленной работы над текстами готской Библии подтверждается многими историческими фактами <...> Все эти факты указывают на существование оживленной текстологической работы над готской Библией в остготском королевстве Теодориха» [Гухман, 1958, с. 17–18]. И заслуживает внимания тот факт, что, помимо сугубо практической работы над текстами, представителей складывавшейся готской переводческой традиции волновали и вопросы теоретического характера, относящиеся к принципам межъязыковой передачи.

Наиболее часто в связи с этим вспоминают переписку блаженного Иеронима с двумя готскими клириками (она, естественно шла по-латыни), причем создатель Вульгаты не удержался от риторического восклицания: «Кто бы мог поверить, что носители варварского языка готов стремятся постичь истину еврейского языка (*quis hoc crederet, ut barbara Getarum lingua Hebraicam quaereret ueritatem*)» [Sancti Hieronymi Epistula] (правда, сами носители «варварского языка», о которых шла речь, скорее всего, еврейским, в отличие от Иеронима, не владели). Однако наряду с этим письмо Иеронима содержит и суждения по тем конкретным вопросам, относящимся к переводу, которые интересовали его адресатов (в частности, речь шла о толковании некоторых фрагментов из Псалмов, вызвавших затруднения у переводчиков).

Рассуждения о проблемах перевода библейского текста (на материале греческой, латинской и готской версий) можно найти и в предисловии к Кодексу из Брешии (Codex Brixianus), текст которого, предположительно относящийся к VI в., представлял собой одну из латинских версий Священного Писания. Отмечалась определенная близость последней как к Вульгате, так и к готской Библии, и даже допускалось, что, будучи первоначально исправлен по Вульгате, ее текст затем был приведен в соответствие с готским [Burkitt, 1899]. В упомянутом предисловии содержится и ряд рассуждений общепереводческого характера. В частности, говорится о необходимости избегать несовпадений между переводами (т.е. поднимается вопрос об их аутентичности), подчеркивается недопустимость слишком вольного отношения к источнику, приводящего к его искажению (иногда в этом усматривали завуалированный намек на самого Иеронима) и – что представляется особенно интересным – одновременно с признанием своеобразия и специфики различных идиомов подчеркивается, что значения слов выражают в конечном итоге одинаковый смысл (*ad unum sensum con-*

currere demonstra (n)tur) [Скардилли, 2012, с. 187], что заставляет вспомнить и гораздо более близкие к нам по времени дискуссии о возможности наличия некоего инварианта перевода. Примечателен и другой момент: версия на «варварском языке» используется – если рассуждение Ф. Бёркитта и некоторых его коллег справедливо – для корректировки латинского текста, что позволяет предположить наличие у готского перевода определенного авторитета.

В связи с этим считаем целесообразным сделать одно замечание. В трудах, посвященных данному вопросу, деятельность Вульфилы и его продолжателей иногда получает не совсем однозначную характеристику: «С одной стороны, перевод Библии на готский язык и литургия на готском языке способствовали этнической консолидации <...> развитию этнического самосознания <...> С другой стороны, отказ от использования в литургии греческого и латинского языков, вероятно, затруднял приобщение готов к византийской цивилизации» [Буданова, 1990, с. 141]. Определенные основания для такого суждения, вероятно, имеются – общий язык культуры действительно может облегчить усвоение последней, однако, как показывает опыт многих народов, в той или иной степени входивших в орбиту византийского влияния (грузины, армяне, те же славяне и др.), использование своего (в широком смысле) языка, не говоря уже о его большой культуuroобразующей роли, может, напротив, в значительной степени облегчить такое усвоение. Несколько столетий спустя, когда готы уже сошли с исторической арены, а католическая церковь, мягко говоря, не слишком поощряла использование, особенно в данной сфере, переводов на «вульгарные» идиомы, преподаватель монастырской школы Ноткер Губастый писал своему епископу о предпринятых им переводах с латинского на немецкий: «Я знаю, что сначала Вас это ужаснет как нечто непривычное. Но постепенно эти переводы покажутся Вам вполне приемлемыми, и Вы скоро будете в состоянии их читать и поймете, что на родном языке обычно постигают то, что на чужом либо не понимают совсем, либо понимают лишь частично» [Бах, 1956, с. 104]. Да и блаженный Иероним, как видно из приведенных выше фактов, относился к такого рода деятельности весьма положительно.

Принимая во внимание все сказанное, исследователи неизбежно оказываются перед вопросом: почему столь многообещающе начатая традиция оказалась прерванной через крайне небольшой по историческим меркам промежуток времени? Весьма образно писал об этом один из наиболее известных библеистов Б.М. Мецгер: «<...> готский язык исчез, почти не оставив следов. Интерес к готским рукописям полностью пропал. Многие из них были разобраны на листы, текст смыт, а дорогой пергамен использовался снова для написания текстов, на которые в то время был спрос. Серебряный кодекс – единственная сохранившаяся готская рукопись (кроме двойного листа с готским и латинским текстом, найденного в Египте), которую миновала эта печальная участь» [Мецгер]. Да и

судьба самого Серебряного кодекса была достаточно драматичной: созданный, предположительно, для короля Теодориха приблизительно к началу VI в., он был вновь обнаружен, причем в неполном виде («до нас не дошло ни одного готского фрагмента Деяний, Послания к Евреям, Соборных посланий и Апокалипсиса» [Мецгер]), только в XVI столетии (еще один лист был найден в 1970 г.). «Что происходило с “Серебряным кодексом” в первую тысячу лет его существования, остается тайной» [Мецгер].

Чаще всего такая судьба традиции, казалось бы, имевшей все шансы на дальнейшее развитие, объяснялась относительно недолговечным существованием готских государств: «Постоянные войны с римлянами, Византией и другими народами, конфессионально-культурная и этническая интеграция привели к падению всех этих готских государств и к ассимиляции готов другими этносами. В Италии, Испании и на Балканах готский язык исчезает достаточно рано» [Дубинин, Бондаренко, Тетеревёнков, 2006, с. 7]. Объяснение, разумеется, справедливое. Но в тоже время утрата собственного государства не всегда влечет за собой прекращение существования этноса и исчезновение письменной традиции. Евреи, как известно, после Иудейской войны и разрушения Иерусалима римлянами не имели своего государства в течение почти двух тысяч лет, причем находились в большинстве случаев в весьма неблагоприятных условиях существования, но книжно-письменная традиция на иврите продолжалась непрерывно, что и позволило возродить его в качестве полноценного государственного языка вновь созданного Государства Израиль.

Думается, что в какой-то степени в данном случае целесообразно сопоставить готскую традицию с возникшей несколько столетий спустя, но в определенном отношении в сходной исторической ситуации славянской. Поскольку авторы настоящей статьи ранее имели возможность изложить свою точку зрения по данному вопросу [Хухуни, Осипова, 2015], напомним только ряд похожих моментов, характерных для той и другой: наличие основателей (Вульфила – у готов, Кирилл и Мефодий – у славян), использование в качестве оригинала греческой Библии, отличие от народно-разговорной диалектной речи, сильное влияние исходного языка на переводной, утрата ранних переводов, принадлежащих непосредственно создателям соответствующих традиций, смена первоначального центра (от вестготов к остготам в первом случае, от западных славян к южным, а от последних к восточным – во втором), расширение сфер применения и некоторые другие. Но, в отличие от церковнославянской культуры, опиравшейся на православную традицию и сумевшей преодолеть многочисленные трудности (включая утрату своего государства у болгар и сербов) и стать тем источником, который положил начало национальным литературам, и в отличие от евреев, сохранявших свою обособленность (правда, порой платя за это весьма дорогую цену), готы, с одной стороны, как будто относились к христианскому миру, а с другой – принадлежали к той его разновидности, которая оказалась тупиковой ветвью – арианству. По-

сколькx последнее воспринималось как своего рода символ готского этноса («римляне даже называли арианство *lex gotica*» [Дубинин, Бондаренко, Тетеревёнкoв, 2006, с. 5]), постолькx его падение не могло не отразиться и на этноязыковом сознании готов, и на их письменной, в том числе, естественно, и переводческой традиции. По замечанию одного автора XIX в., политическая судьба готов оказалась в этом отношении параллельной религиозной, поскольку, не будучи язычниками, они вместе с тем не признавались и христианами и были сокрушены под совместным давлением язычества и католицизма («*crushed between the opposing masses of heathendom and Catholicism*») [Scott, 1885]. Примечательно, что, хотя вестготское королевство в Испании формально существовало до арабского завоевания в VIII в., и в религиозном (переход в ортодоксальное христианство при короле Рекареде в 589 г.), и в языковом (практически полная романизация) отношении оно уже не имело никаких реальных связей с традициями готской культуры.

Список литературы

- Бах А. История немецкого языка. – Москва : Издательство иностранной литературы, 1956. – 343 с.
- Буданова В.П. Готы в эпоху великого переселения народов. – Москва : Наука, 1990. – 232 с.
- Ганина Н.А. Готские языковые реликты: автореферат дис. ... д-ра филол. наук. – Москва, 2008. – 33 с.
- Гухман М.М. Готский язык. – Москва : Издательство литературы на иностранных языках, 1958. – 288 с.
- Десницкий А.С. Какой перевод правильный? // Журнал «Фома». 01.02.2014. [Электронный ресурс]. – 2014. – 01.02. – URL: [http:// https://foma.ru/kakoj-perevod-pravilnyij.html](http://https://foma.ru/kakoj-perevod-pravilnyij.html) (дата обращения: 01.02.2025).
- Дубинин С.И., Бондаренко М.В., Тетеревёнкoв А.Е. Готский язык. – Самара : Издательство «Самарский университет», 2006. – 148 с.
- Зиньковская И.В. Об уровне готской письменной культуры в III–IV веках // Вестник ВГУ. Серия История, политология, социология. – 2015. – № 4. – С. 59–63.
- Мецгер Б.М. Ранние переводы Нового Завета. Их источники, передача, ограничения. [Электронный ресурс]. – URL: http://svitk.ru/004_book_book/4b/1020_mecger-rannie_perevod_i.php (дата обращения: 02.02.2025).
- Потебня А.А. Эстетика и поэтика. – Москва : Искусство, 1976. – 613 с.
- Скардицльи П. Готы: язык и культура. – Санкт-Петербург : Нестор-История, 2012. – 388 с.
- Флоря Б.Н. Сказания о начале славянской письменности. – Изд. 2-е. – Санкт-Петербург : Алетей, 2000. – 384 с.
- Хухуни Г.Т., Осипова А.А. Два библейских перевода и их историческая судьба: (о готской и славянской версиях Священного Писания) // Электронный журнал «Вестник МГОУ». – 2015. – № 1. – URL: www.evestnik-mgou.ru
- Burkitt F.C. The Vulgate Gospels and the Codex Brixianus // The Journal of Theological Studies. – 1899. – Vol. 1, N 1, October. – P. 129–134.
- Mees B. Runo-Gothica: The Runes and the ORIGIN of Wulfila's Script // Die Sprache. – 2002–2003 [publ. 2004]. – N 43. – P. 55–79.
- Sancti Hieronymi Epistula CV 5 – CVI 1 247 GVL Ad Sunniam et Fretelam de Psalterio, quae de LXX Interpretum editione corrupta sint // Full text of «Corpus scriptorum ecclesiasticorum lati-

- porum». [Электронный ресурс]. – URL: http://archive.org/stream/corpuscriptorum55stuoft/corpuscriptorum55stuoft_djvu.txt (дата обращения: 02.02.2025).
- Scott Ch. A.A. *Ulfilas Apostle of The Goths*. Macmillan and Bowes, 1885. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.cristoraul.com/ENGLISH/readinghall/GalleryofHistory/ULFILAS.html> (дата обращения: 02.02.2025).

References

- Bah A. *History of German Language*. Moscow: Izdatel'stvo literatury na inostrannyh yazykah, 1958. 288 p. (In Russian)
- Budanova V.P. *Goths in Time of the Great Migrations of Peoples*. Moscow: Nauka, 1990. 232 p. (In Russian)
- Ganina N.A. *The Relics of Gothic Language: The Abstract from the Thesis of the Doctor of Philology Degree*. Moscow, 2008. 33 p. (In Russian)
- Guhman M.M. *Gothic Language*. Moscow: Izdatel'stvo literatury na inostrannyh yazykah, 1958. 288 p. (In Russian)
- Desnickij A.S. *Which Translation is Correct?* In: Zhurnal «Foma». 01.02.2014. – URL: <http://https://foma.ru/kakoj-perevod-pravilnyij.html> (accessed: 02.02.2025). (In Russian)
- Dubinin S.I., Bondarenko M.V., Terevyonkov A.E. *Gothic Language*. Samara: Izdatel'stvo «Samarskij universitet», 2006. 148 p. (In Russian)
- Zin'kovskaya I.V. *On the Level of the Gothic Written Culture in the 3rd and 4th Centuries*. In: Vestnik VGU. Seriya: istoriya, politologiya, sociologiya. 2015. N 4. Pp. 59–63. (In Russian)
- Metzer B.M. *The Early Versions of the New Testament: Their Origin, Transmission, and Limitations*. – URL: http://svitk.ru/004_book_book/4b/1020_mecger-rannie_perevodi.php (accessed: 02.02.2025). (In Russian)
- Potebnya A.A. *Aesthetics and Poetics*. Moscow: Iskusstvo, 1976. 613 p. (In Russian)
- Scardigli P. *Goths: Language and Culture*. Saint Petersburg: Nestor-Istoriya, 2012. 388 p. (In Russian)
- Florya B.N. *Tales About the Origin of the Slavic Writing*. 2nd edition. Saint Petersburg: Aleteja, 2000. 384 p. (In Russian)
- Khukhuni G.T., Osipova A.A. *Two Bible Translations and Their Historical Destinies (On the Gothic and Slavonic Versions of Holy Writ)*. In: Elektronnyj zhurnal «Vestnik MGOU», 2015. № 1. / www.evestnik-mgou.ru. (In Russian)
- Burkitt F.C. *The Vulgate Gospels and the Codex Brixianus*. In: The Journal of Theological Studies. 1899. Vol. 1, N 1. October. Pp. 129–134.
- Mees B. *Runo-Gothica: The Runes and the ORIGIN of Wulfila's Script*. In: Die Sprache. 2002/3 [publ. 2004]. N 43. Pp. 55–79.
- Sancti Hieronymi Epistula CV 5 – CVI 1 247 GVL Ad Sunniam et Fretelam de Psalterio, quae de LXX Interpretum editione corrupta sint*. In: Full text of 'Corpus scriptorum ecclesiasticorum latinorum – URL: http://http://archive.org/stream/corpuscriptorum55stuoft/corpuscriptorum55stuoft_djvu.txt (дата обращения: 02.02.2025).
- Scott Ch.A.A. *Ulfilas Apostle of The Goths*. Macmillan and Bowes, 1885. – URL: <http://www.cristoraul.com/ENGLISH/readinghall/GalleryofHistory/ULFILAS.html>. (дата обращения: 02.02.2025).

ПЕТРОВА О.В.*

РЕЛЕВАНТНОСТЬ КАК ФАКТОР, ОПРЕДЕЛЯЮЩИЙ ВЫБОР ВАРИАНТА ПЕРЕВОДА

Аннотация. На всех этапах работы переводчика с текстом в основе переводческих решений должен лежать принцип релевантности – начиная с анализа коммуникативной ситуации, в ходе которой отбирается только информация, релевантная для выполнения перевода, через определение переводческих тактик до выбора конкретных лексических и грамматических единиц и форм. Если при создании текста автор руководствуется принципами коммуникативной целесообразности и уместности, то переводчик, помимо норм и узуса переводящего языка (ПЯ), должен при воссоздании прагматического потенциала оригинала руководствоваться критерием трансляционной релевантности информации, заключенной в единицах и формах исходного текста.

Ключевые слова: релевантность; коммуникативно релевантная информация; трансляционно релевантная информация; выбор; контекст; цель коммуникации; принятие решений.

Для цитирования: Петрова О.В. Релевантность как фактор, определяющий выбор варианта перевода // Актуальные вопросы теории и практики перевода. – 2025. – № 3. – С. 33–44. – DOI: 10.31249/perevod/2025.03.03

* **Петрова Ольга Владимировна** – кандидат филологических наук, доцент, начальник Международной научно-исследовательской лаборатории «Теоретические и прикладные проблемы переводоведения», профессор кафедры теории и практики английского языка и перевода Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова; e-mail: o.v.petrova.nn@gmail.com

© Петрова О.В., 2025

PETROVA O.V.*

RELEVANCE AS A FACTOR, DETERMINING THE CHOICE OF A TRANSLATION OPTION

Abstract. At every stage of a translator's work with a text, translation decisions should be based on the principle of relevance, starting with the analysis of the communicative situation, during which only the information relevant to the translation is selected, through the choice of translation tactics, to the selection of specific lexical and grammatical units and forms. While the author, when creating a text, is guided by the principles of communicative appropriateness and relevance, the translator, when recreating the pragmatic potential of the original, should be guided not only by the translation language (TL) norms and usages, but also by the criterion of translational relevance of the information contained in the units and forms of the source text.

Keywords: relevance; communicatively relevant information; translationally relevant information; choice; context; communication goal; problem-solving.

For citation: Petrova O.V. Relevance as a Factor, Determining the Choice of a Translation Option // Current Issues of Translation Theory and Practice. – 2025. – N 3. – P. 33–44. DOI: 10.31249/perevod/2025.03.03

Несмотря на то, что понятие релевантности было предложено Х.П. Грайсом более шестидесяти лет назад, и уже четыре десятилетия существует и развивается созданная Д. Спербером и Д. Уилсоном на основе этого понятия самостоятельная теория релевантности [Sperber, Wilson, 1986], сам термин «релевантность» так до сих пор и не получил четкого определения. Х.П. Грайс, выделив релевантность как одну из четырех сформулированных им максим совместного оперирования информацией, фактически ограничивается следующим замечанием: «*Under the category of relation I place a single maxim, namely, 'Be relevant.' Though the maxim itself is terse, its formulation conceals a number of problems that exercise me a good deal: questions about what kinds and focuses of relevance there may be, how these shift in the course of a talk exchange, how to allow for the fact that subjects of conversation are legitimately changed, and so on. I find the treatment of such questions exceedingly difficult, and I hope to revert to them in a later work*» [Grice, 1975, p. 46] («В категорию отношений я включаю единственную максиму, а именно: “Будь релевантным”. Хотя сама по себе эта максима лаконична, за ее формулировкой скрывается ряд проблем, которые меня очень беспокоят: вопросы о том, какие могут быть виды и фокусы релевантности, как они смещаются в ходе разговора, как учесть тот факт, что в процессе разговора меняются темы, и так далее. Я нахожу рассмотрение таких вопросов чрезвычайно сложным и надеюсь вернуться к

* Petrova O.V. – PhD (Philology), Head of the International Research Laboratory “Theoretical and Applied Issues in Translation Studies”, professor of the Department of English, Translation and Translatology, Higher School of Translation and Interpreting, Linguistics University of Nizhny Novgorod; o.v.petrova.nn@gmail.com

ним в более поздней работе» (перевод мой. – О. П.)). Но и по сей день, как отмечает Д.М. Бузаджи, «термин “релевантный” скорее поддается интуитивному пониманию, чем строгому определению. Так, В.Н. Комиссаров неоднократно пользуется этим словом и даже определяет с его помощью буквального перевода <...>, но определения релевантности не дает... И даже авторы теории релевантности Д. Спербер и Д. Уилсон делают оговорку, что объективного ответа на вопрос, какая информация является релевантной (какую информацию человек отбирает для обработки), а какая нет, может и не существовать» [Бузаджи, 2011, с. 17].

Собственно говоря, сам по себе принцип релевантности в применении к речи в российской лингвистике был предложен еще в 1970-е годы такими учеными, как Б.Н. Головин, В.Г. Костомаров, А.А. Леонтьев, хотя и под другим названием. В теории культуры речи он известен как принцип коммуникативной целесообразности («соответствие языковых форм условиям и целям общения» [Лагута, 2000]) или принцип уместности речи («такая организация средств языка, которая делает речь отвечающей целям и условиям общения; соответствие теме сообщения, его логическому и эмоциональному содержанию, составу слушателей или читателей, информационным, воспитательным, эстетическим и иным задачам письменного или устного выступления» [Жеребило, 2010]). И максима Х.П. Грайса означает всего лишь «Говори по делу и так, как этого требует ситуация».

Сегодня релевантность рассматривается в контексте семиотики и прагматики [Макеева, 2022; Попова, Кустова, 2019], теории коммуникации [Самков, 2020], литературоведения [Кулакова, 2023], теории перевода [Профессиональная компетенция преподавателей перевода английского языка, 2010].

В применении к переводу понятие релевантности обычно рассматривается в двух планах. Прежде всего – в теоретическом: как когнитивная категория, лежащая в основе предложенного Э.-А. Гуттом подхода к изучению и описанию механизмов перевода [Gutt, 1991], при котором, по определению В.Н. Комиссарова, упор делается «не на внутреннее свойство объекта (перевода), а на мыслительную деятельность переводчика, поскольку любые факторы влияют на перевод только через мышление человека. Требуется не просто описание, а объяснение действий переводчика через вычислительные и инференциальные особенности его ума в связи с принципом психологической оптимизации» [Комиссаров, 2002, с. 274–275]. Теория релевантности в этих случаях представляет собой один из подходов к определению сущности самого процесса перевода, а также его результата, т.е. некий принцип разработки теории перевода. Так, Д.М. Бузаджи предлагает считать переводом «текст на переводящем языке, призванный воспроизвести максимум коммуникативно релевантной информации, содержащейся в тексте на исходном языке, с учетом ее относительной коммуникативной ценности» [Бузаджи, 2011, с. 17]. Релевантная же информация в переводе, по его мнению, это «новая для рецептора

информация о содержании и форме ТО, которая при этом имеет логическую связь с контекстом и обработка которой не сопряжена с чрезмерными затратами» [Бузаджи, с. 18], а коммуникативно релевантная информация – это информация, существенная для достижения целей коммуникации.

Здесь следует уточнить, что можно говорить о чрезмерных или не чрезмерных затратах как со стороны переводчика, так и со стороны получателя перевода. Первому нужно провести анализ и выбрать способ передачи информации, иногда требующий серьезного вмешательства в текст, а второму эту информацию воспринять и осознать ее роль в контексте. И если эти затраты не обусловлены достижением цели коммуникации, то их можно считать чрезмерными, а саму информацию нерелевантной.

Из сказанного следует, что степень релевантности одной и той же информации, заключенной в одном и том же высказывании, будет зависеть от коммуникативной ситуации, в которой это высказывание употреблено и, прежде всего, именно от цели высказывания. Соответственно, и целесообразность затрат на передачу ее в переводе будет определяться тем, насколько это способствует достижению цели коммуникации или затрудняет достижение этой цели.

В практическом же плане о релевантности как о факторе, влияющем на выбор варианта перевода тех или иных единиц в определенном тексте, а иногда даже и определяющем этот выбор, чаще всего говорят в связи с прагматической (преимущественно национально-культурной) адаптацией текста. Действительно, для того, чтобы внести в текст какие-либо изменения, призванные сгладить различия в фоновых знаниях носителей исходного и переводящего языков (т.е. представителей разных культур), переводчик должен, помимо всего прочего, учитывать, насколько та информация, которая заключена в определенном фрагменте текста, требующем адаптации, релевантна в контексте всего сообщения. Иными словами, насколько текст в восприятии получателя перевода выиграет от этих изменений и с какими потерями иного плана это будет сопряжено.

Прекрасным примером того, что получается, когда прагматическая адаптация осуществляется без учета релевантности тех или иных единиц в контексте, служит выполненный студентами с помощью компьютерной программы перевод такого фрагмента текста о несуразностях рекламы.

Оригинал: «Рекламодатели охотно привлекают известных артистов для раскрутки своих товаров, предлагая за участие в ролике немалые деньги. Порой это выглядит комично: балерина рекламирует шоколадные батончики, а маститый актер – водку, макароны и пельмени».

Перевод: *Advertisers eagerly engage famous actors to promote their goods, often offering a lot of money for participating in commercials. Sometimes, it looks amusing, when a ballerina is advertising chocolate bars or a venerable actor is advertising vodka, pasta, and pelmeni (a traditional Russian meal that resembles ravioli).*

Само по себе описание того, что такое «пельмени», возможно, было бы вполне уместным в каком-то другом контексте, там, где, скажем, имели бы значение вкусовые качества или технология приготовления этого продукта. Но что в итоге поймет англоязычный читатель из получившегося перевода? Да, он теперь знает, на что похоже русское кушанье под названием «пельмени». Но зачем ему это сообщили и что ему при этом помешали (именно помешали, а не помогли) понять? Какое значение в данном контексте имеют пельмени? Читатель оригинала понимает, что знаменитому актеру поручают рекламировать дешевые продукты, в том числе замороженные полуфабрикаты, которых он сам явно не ест. И это выглядит комично. Важно ли, что это именно пельмени, а не замороженные полуфабрикаты-котлеты или не ливерная колбаса? Разумеется, нет. Смысл предложения заключается в контрасте между статусом рекламирующего эти продукты человека и «статусом» самого рекламируемого продукта. И именно эта единственно важная в данном контексте мысль в переводе пропала, поскольку из всех возможных характеристик пельменей была выбрана и эксплицирована самая в данном случае нерелевантная. А ведь переводчик мог воспользоваться и другими способами прагматической адаптации – генерализацией, каким-то функциональным аналогом и т.д. Это значит, что при выборе варианта перевода он не учитывал степени релевантности той конкретной реалии, которая потребовала прагматической адаптации. Единственной релевантной характеристикой магазинных пельменей была в данном случае их дешевизна, а внимание получателя перевода переключили на их сходство с каким-то другим продуктом. (Подробнее о том, как степень релевантности тех или иных единиц влияет и на выбор конкретного способа прагматической адаптации см.: [Petrova, 2018; Петрова, 2021].)

Прагматическая адаптация – это наиболее яркий пример того, как оценка релевантности информации влияет на решение переводчика. Однако определение релевантности той или иной информации на самом деле требуется отнюдь не только для осуществления прагматической адаптации. Когда мы говорим о принципах выбора лексического соответствия и зависимости этого выбора от контекста, речь, по сути дела, опять идет о релевантности. Поскольку между словами двух языков практически никогда не бывает полного, взаимно однозначного соответствия, каждый раз переводчику фактически приходится думать обо всех оттенках значения слова в оригинале и выбирать из них те, которые оказываются релевантными не просто в тематическом контексте, но и для расстановки логических, эмоциональных и прочих акцентов.

Так, например, при переводе предложения «*The rule of three also reinforces the idea that science is carried out by a handful of geniuses, toiling by themselves in ivory towers. If that was ever true, it isn't now*» для передачи значения слова *reinforce* студенты предлагают глаголы «подтверждать», «подкреплять», «усиливать» и т.д., объясняя это тем, что речь идет о

каком-то существующем у людей представлении и о том, что «правило трех» при присуждении Нобелевской премии делает эту идею более обоснованной. И любая компьютерная программа именно так это и переведет (Яндекс переводчик – «подтверждает», DeepL – «укрепляет», Google Переводчик – «подкрепляет» и т.д.). Однако насколько такая положительная характеристика уместна в контексте, где речь идет о том, что существующие правила не соответствуют современному положению дел в науке? Да, действительно, «правило трех» вполне согласуется с широко распространенными представлениями о том, что наука – это удел гениев-одиночек. Но в оригинале есть еще слово *also*, отсылающее читателя к предыдущему абзацу, где речь шла о критике правил присуждения премии. Таким образом, никакая положительная характеристика здесь не может быть уместной. Но до тех пор, пока переводчик ищет соответствия конкретному слову, он не может выбраться из этого тупика. Исходя из неуместности положительной характеристики, он мог бы принять решение нейтрализовать эту положительность, во-первых, подчеркнув, что речь, как и до этого, идет о недостатках, а во-вторых, показав, что, если это правило что-то и подтверждает / подкрепляет, то некое заблуждение, ошибочное представление: «Кроме того, «правило трех» лишь поддерживает укоренившееся ошибочное представление о том, что...».

Переводя предложение «*The ocean is salty and when sea ice forms, much of the salt is pushed into the ocean water below the ice, although some salt may become trapped in small pockets between ice crystals*», студенты стремятся как-то передать значение словосочетания *in small pockets*, предлагая варианты: «в маленьких карманах», «в кармашках», «в небольших пространствах», «в небольших полостях», «в маленьких впадинах» и т.д. Действительно, трудно найти контекстуально уместное соответствие английскому словосочетанию. А насколько оно релевантно для выражения смысла, для описания ситуации? Что потеряет получатель перевода, если будет просто сказано «какое-то количество соли задерживается между кристалликами льда»? Решение принято исключительно на основе оценки степени релевантности этого образа «карманчиков».

Однако принятие или непринятие такого решения зависит не только от оценки степени релевантности единицы в тексте, но и от общей теоретической установки переводчика. Говоря о релевантности в применении к художественному переводу, В.Н. Базылев отмечает, что есть «один вполне практический аспект, в котором следование разным теориям может привести к разным результатам. В зависимости от того, что переводчик считает главным – языковую форму или художественный результат ее использования, – он может по-разному подходить к определению того, какие компоненты художественного текста следует считать трансляционно-релевантными» [Базылев, 2010, с. 90]. На самом деле это относится не только к литературоведческим теориям, но и к разным направлениям в теории перевода. Если переводчик руководствуется принципом «техноло-

гической точности» [Ланн, 1939], то, стремясь воспроизвести языковую форму как бесспорно релевантный, по его мнению, компонент текста, он действительно должен будет во что бы то ни стало искать соответствие этим *small pockets*, что никак не соответствует предлагаемому Д.М. Бузаджи принципу воспроизведения коммуникативно релевантной информации, содержащейся в тексте на исходном языке, *с учетом ее носительной коммуникативной ценности*.

Определение релевантности необходимо не только при выборе лексических соответствий или отказе от передачи тех или иных лексических единиц, но и при выборе грамматических конструкций. При переводе приведенного выше предложения у переводчика есть возможность полностью сохранить его структуру: «Вода в океане соленая, и когда образуется лед, много соли выталкивается в морскую воду подо льдом, хотя какое-то количество соли задерживается между кристалликами льда» или поменять ее, скажем, разделив это предложение на два: «Вода в океане соленая, и когда образуется лед, много соли выталкивается в морскую воду подо льдом. Какое-то количество соли, однако, при этом может задерживаться между кристалликами льда». Формально оба варианта правильны. Но из контекста всего абзаца следует, что главное – то, что много соли попадает в подледный слой воды. Таким образом, начинающаяся со слова *although* оговорка – это попутное замечание, совершенно нерелевантное в общем контексте. В этом легко убедиться, просто опустив ее: общий смысл сказанного при этом никак не изменится. Конечно, нет никакой необходимости его опускать. Но и вынесение его в отдельное предложение неуместно, поскольку не только придает ему дополнительную значимость, отсутствующую в оригинале, но еще и смещает на него смысловой акцент. Исходя из того, *что* в данном случае релевантно, а *что* нет, переводчику не нужно делить предложение, а кроме этого еще хорошо бы и подчеркнуть, что остающаяся между кристалликами льда вода в описываемом процессе никакой роли не играет: «Вода в океане соленая, и когда образуется лед, много соли выталкивается в морскую воду подо льдом, хотя какое-то количество соли **и** задерживается между кристалликами льда».

В своей статье с красноречивым названием «Translation as Problem-Solving» M.G. Rose пишет, что перевод по большому счету есть не что иное, как принятие решений: «*Put as plainly as possible, translation is problem solving*» [Rose, 1979, p. 20]. И даже те, кто не соглашается с таким определением (как, например, R.M. Martín и Ch. Olalla-Soler, полемически назвавшие свою статью «*Translating is not (only) problem solving*» [Martín, Olalla-Soler, 2022]), возражают не против того, что процесс перевода предполагает постоянное разрешение проблем, т.е. необходимость делать выбор и на основе этого выбора принимать решения, а против того, что перевод только к этому и сводится. Сам же по себе факт необходимости для переводчика на каждом этапе работы с текстом принимать решения сомнений не вызывает.

Действительно, решения переводчику приходится принимать, начиная с так называемого предпереводческого анализа. Классическая модель анализа, предложенная К. Норд [Nord, 1991], предполагает учет восьми внешних по отношению к тексту и четырех внутренних факторов. И первое решение, которое должен принять переводчик, касается степени релевантности каждого из этих факторов при подготовке к переводу конкретного текста. Что именно нужно узнать об авторе текста? Насколько релевантна информация о его религиозных или политических взглядах? А информация о его личной жизни? Нужно ли выяснить, в каком издании был опубликован оригинал общественно-политического текста? А технической инструкции? Поскольку анализу текста предшествует его прочтение, уже на этапе поиска информации переводчик отбирает только ту, которая в данном случае будет релевантной.

Какие компоненты коммуникативной ситуации создания оригинала нужно учитывать, а какие можно не учитывать, зависит от того, отражаются ли они на содержании и форме текста или нет, т.е. от того, насколько они релевантны для понимания текста самим переводчиком, для перевода и для понимания носителем ПЯ.

На этапе собственно перевода в основе каждого решения переводчика фактически также лежит оценка степени релевантности единиц и их характеристик. Нужна ли прагматическая адаптация? И если да, то какая именно: можно ли фрагмент текста, непонятный для потенциального получателя перевода, просто опустить? Можно ли воспользоваться генерализацией? Нужно ли растолковать аллюзию или лучше заменить другой, понятной носителю ПЯ? Это целиком зависит от того, насколько эти элементы релевантны для понимания текста получателем перевода в соответствии с коммуникативной интенцией автора и с целью перевода – иными словами, от степени коммуникативной релевантности самой информации, т.е. от ее необходимости для достижения целей коммуникации. И именно принцип релевантности должен стать основой для выбора тактики перевода, понимаемой как «системно организованная совокупность переводческих операций, используемых для решения определенной задачи с учетом избранной стратегии перевода» [Сдобников, 2015, с. 166].

Какие параметры текста, какие аспекты формы оригинала следует считать трансляционно релевантными и воссоздавать в переводе, а какие – нет, зависит от релевантности формы для полноценного восприятия получателем перевода этого конкретного текста.

Выбор того или иного лексического соответствия определяется его соответствием сразу нескольким видам контекста – тематическому, ситуативному (в том числе затекстовой ситуации), лингвистическому (широкому и узкому) и имплицитному [Петрова, Сдобников, 2023].

Выбор грамматической формы во многом определяется соответствием каждой из возможных форм логическому контексту, тем, насколько данная форма уместна (т.е. релевантна) в этом контексте, насколько она

позволяет сохранить в переводе логические акценты и отразить степень релевантности каждого фрагмента информации.

Выбор регистровых и прочих стилистических характеристик языковых форм зависит от их уместности в общем стилистическом контексте или микроконтексте (скажем, при воссоздании речевой характеристики говорящего). Так, к примеру, выбор между синонимичными словами и оборотами будет зависеть от того, насколько релевантна передача времени описываемых событий, и требуется ли хронологическая адаптация текста, при которой важно если не использовать архаичный вариант, то во всяком случае отказаться от ярко современного. Если же время нерелевантно, то и в основе выбора будут лежать другие факторы.

Таким образом, как бы мы ни называли этот принцип – релеванностью, уместностью, коммуникативной целесообразностью – именно он лежит (или по крайней мере должен лежать) в основе всех решений, которые принимает переводчик.

Одним из недостатков машинного перевода является то, что компьютерная программа, которая сегодня уже часто может определить контекстуальное значение слова (правда, контекст при этом обычно понимается либо как заданный предметной областью и темой текста, либо как узкий лингвистический контекст предложения или – в лучшем случае – абзаца), но она не в состоянии определить степень релевантности тех или иных единиц. Для нее не существует контекст затекстовой ситуации и тем более – имплицитный контекст, а вне такого контекста отделить релевантную информацию от нерелевантной и тем более оценить степень ее релевантности невозможно. Как отмечает В.А. Кулакова, одним из выводов теории Х.П. Грайса является то, что «предложение не может существовать без имплицатуры, контекстуальной и внешней информации» [Кулакова, 2023, с. 114]. А имплицатура компьютерной программе недоступна. Для того, чтобы решить, как нужно перевести слово «окрошка» – «*okroshka*», «*cold soup*», «*cold vegetable soup*», «*okroshka (cold kvass* soup with chopped vegetables and meat)*», «*cold soup made from cucumber, kvass*, radish, dill, egg, and meat or fish*» и объяснить при этом в сноске, что «*kvass*» это «*fermented drink, low in alcohol, made from rye flour or bread with malt*», – переводчик должен понимать, что именно важно в конкретном контексте – набор ингредиентов, рецепт приготовления кваса или то, что это холодный суп, и т.д. Зная контекст, переводчик может решить, что это слово можно вообще никак не переводить или сказать просто «*soup*». Выбор варианта целиком зависит от коммуникативной целесообразности, которая, в свою очередь, диктует и трансляционную релевантность.

Именно способность оценивать степень релевантности той или иной информации в контексте и коммуникативную целесообразность при выборе формы перевода составляет главное преимущество переводчика-человека перед любой программой машинного перевода. Именно этому нужно

учить студентов-переводчиков для того, чтобы они смогли сохранить свое преимущество в конкуренции с компьютером.

Список литературы

- Базылев В.Н.* Литературный перевод // Основные понятия переводоведения (Отечественный опыт). Терминологический словарь-справочник / ИНИОН, РАН, Отдел языкознания; отв. редактор – канд. филол. наук Раренко М.Б. – Москва, 2010. – С. 90.
- Бузаджи Д.М.* К вопросу об определении понятия «перевод» // Проблемы теории, практики и дидактики перевода: сборник научных трудов. Серия Язык. Культура. Коммуникация». – Новгород : НГЛУ им. Н.А. Добролюбова, 2011. – Вып. 14, Т. 1: Н. – С. 10–22.
- Жеребило Т.В.* Словарь лингвистических терминов. – Назрань : Пилигрим, 2010. – 485 с.
- Комиссаров В.Н.* Современное переводоведение: учебное пособие. – Москва : ЭТС, 2002. – 424 с.
- Кулакова В.А.* Теория релевантности Д. Вилсон и Д. Спербера и ее актуальность для текста художественного произведения // Верхневолжский филологический вестник. – 2023. – № 2 (33). – С. 113–118.
- Лагута О.Н.* Стилистика. Культура речи. Теория речевой коммуникации: учебный словарь терминов: учебное пособие. – Новосибирск : Новосибирский государственный университет, 2000. – 147 с.
- Ланн Е.Л.* Стиль раннего Диккенса и перевод «Посмертных записок Пиквикского клуба» // Литературный критик. – 1939. – № 1. – С. 156–171.
- Макеева Л.Б.* Теория релевантности, прагматика и проблема значения // Философский журнал = Philosophy Journal. – 2022. – Т. 15, № 3. – С. 125–139.
- Петрова О.В.* Что, где, когда, зачем и как? (Размышления о прагматической адаптации) // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. – Владикавказ, 2021. – № 3: Тематический выпуск: Взаимодействие языков и культур: традиции и инновации). – С. 266–279.
- Петрова О.В., Сдобников В.В.* Проблема восприятия текста переводчиком // Военно-гуманитарный альманах. Серия Лингвистика. Москва, Военный университет. 30 июня 2023 г. – Москва : Военный университет Минобороны России, 2023. – С. 25–33.
- Попова Г.Е., Кустова Е.Ю.* Объективное и субъективное в переводе: переводчик в поисках семиотической релевантности. – URL: <https://www.alba-translating.ru/ru/ru/articles/2019/popova-kustova-019.html> (дата обращения: 28.03.2025).
- Профессиональная компетенция преподавателей перевода английского языка: учебно-методическое пособие / Д.М. Бузаджи, В.К. Ланчиков, А.С. Маганов, Т.А. Зотина. – Москва : Московский государственный лингвистический университет, 2010. – 240 с.*
- Самков М.В.* Теории коммуникации и их влияние на теорию перевода // Скрижали. – 2020. – № 19. – С. 101–126.
- Сдобников В.В.* Коммуникативная ситуация как основа выбора стратегии перевода: дисс.... д-ра филол. наук. – Нижний Новгород, 2015. – 607 с.
- Grice H.P.* Logic and Conversation // Syntax and Semantics. – New York : Academic Press, 1975. – Vol. 3: Speech Acts / ed. by P. Cole, J.L. Morgan. – P. 41–58.
- Gutt E.A.* Translation and Relevance: Cognition and Context. – Oxford : Blackwell, 1991. – 267 p.
- Martín R.M., Olalla-Sole Ch.* Translating is not (only) Problem Solving // The Journal of Specialised Translation. Issue 38. – 2022. – URL: https://www.researchgate.net/publication/362251122_Translating_is_not_only_problem_solving (дата обращения: 29.03.2025).

- Nord Ch. Text Analysis in Translation: Theory, Method, and Didactic Application of a Model for Translation-Oriented Text Analysis / Transl. From German by C. Nord and P. Sparrow. – Amsterdam; Atlanta GA: Rodopi, 1991. – 250 p.
- Petrova O.V. Cultural, Communicative and Relevance Factors as the Bases for Decision Making in Translation // Journal of Sib. Fed. Univ. Humanit. soc. sci. – 2018. – Vol. 11 (9). – P. 1453–1466. – DOI: 10.17516/1997-1370-0315
- Rose M.G. Translation as Problem-Solving // Translation Review. – 1979. – № 3 (1). – P. 20–21. – URL: <https://doi.org/10.1080/07374836.1979.10523556> (дата обращения: 29.03.2025).
- Sperber D., Wilson D. Relevance: Communication and Cognition. – Cambridge (Mass.) : Harvard University Press, 1986. – 279 p.

References

- Bazylev V.N. *Literary Transaltion*. In: Basic Notions of Translation Studies. (Domestic Experience): Terminological Dictionary-reference Book / INION / Department of Linguistics. Ed. by M. Rarenko. Moscow., 2010. P. 90. (In Russian)
- Buzadzhi D.M. *On the Definition of the Concept of "Translation"*. In: Issues of Translation Theory, Practice and Didactics: Collection of Scientific Papers. Series "Language. Culture. Communication". Nizhniy Novgorod: NGLU, 2011. N 14, Vol. 1. Pp. 10–22. (In Russian)
- Zherebilo T.V. *Dictionary of Linguistic Terms*. Nazran': Pilgrim, 2010. 485 p. (In Russian)
- Komissarov V.N. *Modern Translation Studies: Study Guide*. Moscow: ETS, 2002. 424 p. (In Russian)
- Kulakova V.A. *D. Wilson and D. Sperber's Theory of Relevance and Its Relevance to the Literary Text*. In: Verhnevolzhskij Philological Bulletin. 2023. N 2 (33). Pp. 113–118. (In Russian)
- Laguta O.N. *Stylistics. Culture of Speech. Theory of Speech Communication: Educational Dictionary of Terms. Study Guide*. Novosibirsk: NGU, 2000. 147 p. (In Russian)
- Lann E.L. *The Style of Early Dickens and the Translation of "The Posthumous Papers of the Pickwick Club"*. In: Literary Critic. 1939. N 1. Pp. 156–171. (In Russian)
- Makeeva L.B. *Relevance Theory, Pragmatics and the Problem of Meaning*. In: Philosophy Journal. 2022. T. 15, N 3. Pp. 125–139. (In Russian).
- Petrova O.V. *What, Where, When, What For and How? (Reflections on Pragmatic Adaptation)*. In: Current Issues in Philology and Pedagogical Linguistics. 2021. N 3. Pp. 266–279. (In Russian)
- Petrova O.V., Sdobnikov V.V. *The Problem of Text Perception by a Translator*. In: Military-humanitarian Almanac. The Series "Linguistics". Iss. 8: Proceedings of the XVII International Scientific Conference on Topical Issues of Language and Communication "Language. Communication. Translation". Moscow, Military University. June 30, 2023. Moscow, 2023. Pp. 25–33. (In Russian)
- Popova G.E., Kustova E.Yu. *Objective and Subjective: A Translator in Search of Semiotic Relevance*. – URL: <https://www.alba-translating.ru/ru/articles/2019/popova-kustova-019.html> (access date: 28.03.2025). (In Russian)
- Professional Competence of Teachers of English translation: An Educational and Methodical Manual* / D.M. Buzadzhi, V.K. Lancikov, A.S. Maganov, T.A. Zotina. Moscow: Moscow State Linguistic University, 2010. 240 p. (In Russian)
- Samkov M.V. *Theories of Communication and Their Influence on the Theory of Translation*. In: Skrizhali. 2020. N 19. Pp. 101–126. (In Russian)
- Sdobnikov V.V. *The Communicative Situation as the Basis for Choosing a Translation Strategy: Dissertation... for the Degree of Doctor of Philology*. Nizhniy Novgorod, 2015. 607 p. (In Russian)
- Grice H.P. *Logic and Conversation*. In: Syntax and Semantics. New York: Academic Press, 1975. Vol. 3: Speech Acts / ed. by P. Cole, J.L. Morgan. Pp. 41–58.
- Gutt E.A. *Translation and Relevance: Cognition and Context*. Oxford: Blackwell, 1991. 267 p.

- Martin R.M., Olalla-Soler Ch. *Translating is not (only) Problem Solving*. In: The Journal of Specialised Translation. 2022. Iss. 38. – URL: https://www.researchgate.net/publication/362251122_Translating_is_not_only_problem_solving (access date: 29.03.2025).
- Nord Ch. *Text Analysis in Translation. Theory, Method, and Didactic Application of a Model for Translation-Oriented Text Analysis* / Transl. From German by C. Nord and P. Sparrow. Amsterdam; Atlanta GA: Rodopi, 1991. 250 p.
- Petrova O.V. *Cultural, Communicative and Relevance Factors as the Bases for Decision Making in Translation*. In: Journal of Sib. Fed. Univ. Humanit. soc. sci. 2018. N 11 (9). Pp. 1453–1466. DOI: 10.17516/1997-1370-0315.
- Rose M.G. *Translation as Problem-Solving*. In: Translation Review. 1979. N 3 (1). Pp. 20–21. – URL: <https://doi.org/10.1080/07374836.1979.10523556> (access date: 29.03.2025).
- Sperber D., Wilson D. *Relevance: Communication and Cognition*. Cambridge (Mass.): Harvard University Press, 1986. 279 p.

ПУГАЧЕВА Е.Ю.*
ПЕРЕВОД ЗАГОЛОВКОВ
КАК ПОСТРОЕНИЕ КУЛЬТУРНЫХ МОСТОВ

Аннотация. Перевод рассматривается как построение мостов, раскрывающих семантические и интертекстуальные особенности языка и культуры. Классификации заголовков указывают, что наибольшие переводческие трудности составляют короткие заголовки, содержащие лакуны, топонимы, аллюзии, исторические контексты, идиомы, безэквивалентную лексику, игру слов, ритм и рифму. Преодоление указанных препятствий в ретрансляции сообщения, его перекодировки ставит переводчика в ряд с послами культуры. Результаты позволяют утверждать, что самыми сложными для перевода жанрами являются детская литература, поэзия и анекдоты, востребованные в любом обществе.

Ключевые слова: заголовок; значение; культура; перевод; семантика.

Для цитирования: Пугачева Е.Ю. Перевод заголовков как построение культурных мостов // Актуальные вопросы теории и практики перевода. – 2025. – № 3. – С. 45–53. – DOI: 10.31249/perevod/2025.03.04

PUGACHEVA E.YU.**
THE TRANSLATION OF TITLES AS CULTURAL BRIDGING

Abstract. The process of translation is dealt as intercultural bridging, distinguishing significant semantic and extratextual peculiarities of Language and Culture. The title classifications let conclude: challenges are hidden in shortest headlines, containing lacunas, toponyms, allusions, historical contexts, idioms, non-equivalent lexis, play on words, rhyme and rhythm. The ways of overcoming put translators in one row with ambassadors of Culture. The most complicated for translation titles belong to children's literature, poems and jokes, most demanded in any society.

Keywords: culture; headline; meaning; semantics; translation.

* Пугачева Елена Юрьевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии, Государственный университет просвещения; elenapetrishina@mail.ru

© Пугачева Е.Ю., 2025

** Pugacheva E.Yu. – PhD (Philology), Associate Professor at the Department of English Philology, State University of Education; elenapetrishina@mail.ru

Введение

В современном мире книжный рынок изобилует ассортиментом. В связи с чем возникает проблема привлечения потенциального покупателя. Основная сложность заключается в том, что на знакомство с книгой отводится не более беглого взгляда. Следовательно, заголовок должен привлекать и останавливать. Оформление и цвет обложки призваны подчеркнуть название. Этому есть несколько объяснений.

С научной точки зрения В.А. Лукин сравнивает заголовок с «внутренней интерпретацией текста», поскольку он «сообщает в концентрированном виде информацию о тексте, о его художественном коде и о том, какова его возможная интерпретация» [Лукин, 1999, с. 59]. И.В. Арнольд также считает, что заглавие «можно уподобить имени собственному: оно индивидуализирует текст, которому принадлежит, выделяет его в ряду других текстов» [Арнольд, 2002, с. 225]. Именно по этому коду читатель судит о тексте в первую очередь. С бытовой точки зрения напечатанный другим шрифтом, отстоящий от основного текста заголовок выполняет массу задач: аттрактивную, контактоустанавливающую, прогностическую, регулирующую, концептуальную, подразумевающую введение основного авторского посыла, конкретизацию и генерализацию текстового значения.

А что, если это заглавие изначально написано на другом языке? Как сделать так, чтобы оно «заиграло» и помогло изданию найти путь к своему иноязычному читателю? Как сделать так, чтобы эмоциональный посыл, заложенный в оригинале, резонировал в принимающем языке?

Поставленная проблема не нова: передача содержания объемного издания кратко – задача трудная, а сделать это на другом языке – вдвойне труднее: чем больше внутренний контекст, тем большими дополнительными коннотациями и ассоциациями оно обростаёт. Представляется, что дополнительной сложностью является построение собственно культурного моста, под которым мы понимаем поиск некой точки соприкосновения, установления интернационального диалога, возможность «согласования» внешнего текста с его внутренним содержанием. Таким образом, целью представленного исследования является способ переосмысления концептуальной информации, вербализованной в единицах одного языка, в координатах другого языка. Объектом изучения являются заголовки на предмет возможно более точной их передачи средствами другого языка. Достижение цели потребует обращения к: 1) классификации заголовков; 2) определению основных переводческих трудностей; 3) поиску их решений. В работе задействованы: 1) метод сплошной выборки, 2) метод изучения семантического радиуса текста; 3) метод концептуального анализа; 4) метод трансформации и адаптации. Именно такой порядок мы принимаем за последующий алгоритм действий.

Обычно автор озаглавливает произведение после завершения написания, как итог, спаивающий смысл и значение, форму и содержание. Нередко бывает так, что приходится пересматривать не один из возможных вариантов.

Так, первой версией заголовка рассказа Э.А. По (1809–1849) «The Oval Portrait» («Овальный портрет») было наименование «Life in Death» («В смерти – жизнь»). Как видим, и то и другое название представлены в виде словосочетаний, но с заметно различающейся семантикой. На фоне изучения семантического радиуса текста, становится разительным их сходство, нежели чем отличие: *oval – connected with ovum, anything that is egg-shaped; ovum – an egg that develops inside the mother's body, producing life* [Longman Dictionary of English Language and Culture, 2000, p. 962]; *portrait – a painting, drawing or a photograph of a real person, often seen at museums, cemeteries, etc.* [Longman Dictionary of English Language and Culture, 2000, p. 1041]. Словарное изучение каждого компонента позволяет выявить элементы, представленные в первом варианте, но в замаскированном виде, что позволяет актуализировать заинтересованность и участие читателя в творческом процессе.

Обратим внимание на большую сложность для перевода на русский язык первого заголовка: компоненты следуют в инвертированном порядке по сравнению с оригиналом. Это, конечно, в значительной мере переворачивает наше бытовое восприятие жизни и смерти, поскольку смерть кажется терминальной точкой всего, не могущей породить новые жизни. Но текст повествует именно об этом: в каждом конце незримо присутствует новое начало. Сама постановка вопроса вызывает некоторый диссонанс, поскольку во многих современных лингвокультурных сообществах смерть представляется как табуированное явление, замалчиваемое в целях политкорректности. Итак, семантическая наполненность первого заголовка осталась та же, а метафорика повысилась и ассоциативный ряд стал шире.

Приведем еще пример мучительных поисков. Ф.С. Фицджеральд (1896–1940) на протяжении работы над текстом романа «Великий Гэтсби» несколько раз менял заголовок. Как показал наш исторический анализ, писатель имел следующие варианты: 1) «Gold-hatted Gatsby», где сложно-составным эпитетом подчеркивается богатство Гэтсби и его проворный ум – качество, которое не так высоко ценилось в светском обществе Америки, как деньги, но свои инвестиции умнейший герой носил именно в голове; 2) «The High-bouncing Lover Trimalchio in West Egg», где отмечается тема любви и головокружительного успеха в материальном плане. Это аллюзия на главного героя древнеримского романа «Сатирикон», разбогатевшего раба. В этой идее мы усматриваем еще один элемент выстраивания межкультурного моста: только знающий и читавший роман «Сатирикон» ее поймет. Примечательно, что столь давняя история этого романа говорит об избитости выбранной автором темы: испокон веков человечество поклонялось золотому тельцу и ничто (даже самая чистая любовь) не

может на это повлиять. И третий, выбранный автором заголовок, «The Great Gatsby». Главный герой велик, потому что верит в свою мечту и идет к ней, не боится трудностей, плывет против течения; добивается высокого положения будучи родом из небогатой семьи; верит в свое особенное предназначение, в светлое будущее; делает все возможное и невозможное, чтобы быть рядом с любимой женщиной; не испорчен деньгами, помнит о прошлом.

Подобных примеров поиска наиболее точного заголовка самим автором история литературы знает немало [Кухаренко, 2019, с. 122].

Напрашивается вывод: чтобы грамотно озаглавить и перевести название, требуется прочитать книгу целиком и впитать весь спектр заложенных в тексте реальных и потенциальных значений. М.Я. Блох в работе «Проблема основной единицы текста» в заголовке выделяет четыре важнейших функционально-знаковых аспекта: номинацию, предикацию, тематизацию и стилизацию [Блох, 1984, с. 14]. Номинация реализуется через именование произведения; предикация – через динамическое отношение к тексту и через него – к действительности, так как отображает авторские ценностные установки. Предикативные значения предполагают наличие в имени текста семантики, являющейся для него полем приложения специальных функций. Через имя текста в рамках аспекта тематизации реализуются близкие и далекие связи частей текста. Все виды информации, такие как фактуальная, интеллективная, эмотивная и импрессивная, включены в аспект тематизации имени текста.

Поиск путей наилучшего способа передачи столь сложного информационного комплекса предлагаем начать с теоретического рассмотрения вопроса и классификации заголовков, чтобы отобразить номенклатуру сложностей, возникающих в работе переводчиков, налаживающих диалог культур.

Тщательно проведенный анализ справочно-теоретической литературы по поставленному вопросу позволил установить, что существует несколько возможных подходов к работе с заголовками. Наиболее простой из них систематизирует заголовки по количеству входящих в них компонентов: однословные, в виде словосочетания и целого предложения. Отметим, что в определенные культурно-исторические периоды авторы стремились в заголовках более подробно отразить тему, что безусловно в определенной степени лишало повествование интриги: «Повесть о том, как поссорились Иван Иванович с Иваном Никифоровичем» или «*The sovereignty and goodness of God, together with the faithfulness of his promises displayed; being a narrative of the captivity and restoration of Mrs. Mary Rowlandson, commended by her, to all that desires to know the Lord's doings to, and dealings with her. Especially to her children and relatives. The second edition corrected and amended. Written by her own hand for her private use, and now made public at the earnest desire of some friends, and for the benefit of the afflicted*» [Кухаренко, 2019, с. 120].

Сокращение предложения до 2–3 слов стало безоговорочным прорывом: имя героя или место дислокации становилось метонимией происходящего, заставляло читательское воображение активно подключаться и дорисовывать недостающие детали. Подобные названия нередко превращаются в метонимический символ произведения, выражающий его основную идею («Jane Eyre» Ш. Бронте, «Oliver Twist» Ч. Диккенса, «Emma» Дж. Остин, «Rebecca» Д. дю Морье). Конечно, в наше время, время глобального ускорения, заголовок, как и любая другая информация, стремится к максимальной компрессии и подтекстовому расширению, чтобы метко и емко передать мысль автора. Как видим, данное основание классификации может служить как способ исторической реконструкции или исторической стилизации и таким образом дополнительно воздействовать на читателя.

А.В. Ламзина классифицирует заголовки по их отношению к сюжету, системе персонажей, времени и месту действия. Она выделяет: 1) заголовки, представляющие основную тему или проблему произведения («Sense and sensibility» Дж. Остин, «The Picture of Dorian Gray» О. Уайлда); 2) заголовки, задающие сюжетную перспективу произведения, которые можно подразделить на: а) представляющие весь сюжетный ряд (фабульные) («The Adventures of Tom Sawyer» М. Твена) и б) выделяющие важнейший с точки зрения развития действия момент (кульминационные) («Murder on the Orient Express», «Death on the Nile» А. Кристи); 3) персонажные заглавия, значительная часть которых – антропонимы, сообщающие о национальности, родовой принадлежности и социальном статусе главного героя («King Lear» У. Шекспира, «The Great Gatsby» Ф.С. Фитцджеральда); 4) заглавия, обозначающие время и пространство, где помимо названий времени суток, дней недели, месяцев, время действия может быть обозначено датой, соотносимой с историческим событием («1984» Дж. Оруэлла, «One Hundred Years of Solitude» Г.Г. Маркеса, «The Night in Lisbon» Э.М. Ремарка, «Twilight» С. Мейер) [Ламзина, 2000].

Заголовки могут быть классифицированы по степени информативности. Автор юмористического рассказа нередко вводит эффект обманутого ожидания, намеренно опуская значимую для декодирования информацию, чтобы повысить психологическое воздействие на читателя. Говоря о фоновой информации, позволяющей прояснить информативное наполнение заголовка, необходимо подчеркнуть ее исключительно индивидуальное проявление. Только начитанный и опытный переводчик может в полном объеме извлечь из заголовка сведения, важные для понимания всего текста. Здесь отмечается важность изучения горизонтального и вертикального контекстов, под которыми соответственно понимаются прочие произведения конкретного автора и прочие произведения авторов этого жанра / эпохи / культурной организации [Кухаренко, 2019, с. 103]. В остальных случаях они актуализируются в читательской практике с той или иной степенью полноты. Многое зависит от жанра произведения и идиостиля

автора. Кроме того, что заглавие в сочетании с именем автора и жанром произведения может вызвать определенные ожидания, эта информация может уберечь читателя от порождения неверных, ошибочных ожиданий и интерпретаций.

Актуализация семантики заглавий в тексте художественных произведений может происходить по-разному, в зависимости от авторской установки, желания и мастерства автора, его отношения к изображенному, к формулируемой проблеме. О.Ю. Богданова в работе «Заглавие как семантико-композиционный элемент художественного текста» (2009) указывает на такие типы заглавий: 1) предметно-описательные заглавия, отображающие содержание произведения; 2) образно-тематические, сообщающие о содержании в переносном значении, с использованием конкретных тропов [цит. по: Пугачева, 2024, с. 19]; 3) идейно-характеристические, указывающие на авторскую модальность, на главный вывод автора, основную идею его художественного творения («The Nice and Good» А. Мердок; «Poor Things» – «Бедные-несчастные» Й. Лантимос); 4) идейно-тематические, указывают на тему и идею произведения («Room at the Top» Дж. Брейна, переданный на русский как «Путь наверх», но изначально в прокате появился как «Комнатка на чердаке» и «Мансарда», а роман Д. Стори «This Sporting Life» ошибочно переведен как «Такова спортивная жизнь». Правильный перевод должен звучать как «Такова шикарная жизнь», так как в английской лингвокультуре лексическая единица *sport* имеет значение «to show off something, to wear it proudly» [Longman Dictionary of English Language and Culture, 2000, p. 1308]). Практически раскрывая в заглавии произведения сюжет, авторы рассчитывают привлечь внимание читателя к своим творческим работам, заинтриговать необычностью, оригинальностью содержания.

Также заголовки можно классифицировать по: 1) мистификации («The Phantom of the Opera» Г. Леруа, «Dracula» Б. Стокера, «Frankenstein, or the Modern Prometheus» М. Шелли); 2) имени нарицательному («Atonement» Иэна Макьюэна, «Chocolat» Дж. Харрис, «The Plague» А. Камю, «The Bell Jar» С. Платт); 3) топонимам (месту действия) («Hotel», «Airport» А. Хейли, «East of Eden» Дж. Стейнбека, «Middlemarch» Дж. Элиота); 4) вопросительным конструкциям («Как мужик гусей делил» Л.Н. Толстой, «Что делать?» Н.Г. Чернышевский, «Кто виноват?» А.И. Герцен). Отметим, что заголовки-вопросы и повышенная драматизация больше характерны для русской лингвокультуры.

Наш подробный анализ типов заголовков подразумевал поиск наиболее сложных переводческих аспектов, так как именно они призваны способствовать налаживанию межкультурного диалога, построению межкультурного моста. Итак, к наиболее проблемным моментам нами отнесены: культурные аллюзии, исторические контексты, идиоматические выражения, являющиеся лакунизированным знанием в принимающей культуре, национальный колорит и местные реалии как проявление лингвокультур-

ного кода, безэквивалентная лексика, игра слов, ритм и рифма заголовка. Преодоление указанных препятствий на пути ретрансляции сообщения, его перекодировки ставит переводчика в один ряд с истинными послами культур.

Приведем примеры ярчайших расхождений названий сказок и их аналогов в зарубежном варианте: Морозко – *Jack Frost*, Старик Хоттабыч – *Livre de Lazar Lagin*, Илья Муромец – *Le géant de la steppe*, Садко – *The Magic Voyage of Sinbad*, Василиса Прекрасная – *The Frog Tsarevna*, Кащей Бессмертный – *the Immortal / the Deathless*, Сказка о потерянном времени – *The Power of Witches*. Возникает масса закономерных вопросов: Откуда у Морозко появляется имя? Почему старик-волшебник поменял имя, а герой былинного эпоса вдруг его утратил вовсе? Все потому, что в принимающей культуре нет прецедентности этих имен, и чтобы сэкономить затраты на компенсацию недостающей информации переводчикам пришлось трансформировать суть вещей.

Рассмотрим подробнее. В славянской мифологии Морозко – это не Дед Мороз, который одаривает подарками и ездит на оленьей упряжке. Он, помощник бога Громовержца Перуна, сменяет леших на посту в предзимнем лесу и следит за порядком там. В языческой Руси у зрителя этого была дурная репутация: он представлял опасность для людей, поскольку дыханием был способен убить любого. Морозко любил играть с незадачливыми гостями, заманивая в свои ледяные владения. Особенно он не жаловал тех, кто боялся холода¹.

Кто такой Джек Фрост? Согласно словарю английского языка и культуры издательства Лонгман, «Jack Frost – very cold weather thought of a person. Children are told that Jack Frost comes at night and leaves frost on windows» [Longman Dictionary of English Language and Culture, 2000, p. 700]. Таким образом, персонаж английского фольклора, олицетворение мороза, льда, снега, холода и зимы, который несет ответственность за морозную погоду, окрашивая осенью листву инеем и оставляя узоры на окнах. При этом его характер проявляется по-разному: Джек может выступать зловредной сущностью или героем. Как видим, параллели присутствуют, но однозначности нет. Переводчику надо дать максимально приближенное представление публике, о чем пойдет речь, чтобы направить антиципации в нужном русле.

Более суровым трансформациям подвергаются герои русских народных сказок Василиса Прекрасная и Кащей Бессмертный. Они являют собой полностью лакунизированное знание, и замен в приблизительных мифологических образах в других культурах им нет. Следовательно, переводчик идет на максимальное снятие непонимания реципиентов путем за-

¹ <https://ki-news.ru/solyanka/slavyanskij-bog-ili-skazochnyj-geroj-kto-takoj-morozko/> (дата обращения: 13.02.2025).

мещения прецедентных имен именами нарицательными, сохранив лишь место действия и основное качество героя.

Приведем еще пример удачной переводческой трансформации. Произведения детской литературы авторства американской писательницы К. Дикамилло представляют собой значительное поле для переводческой деятельности. Речь идет о сказке *The Magician's Elephant*. Изначально переведенное как «Слониха фокусника», заглавие потеряло вкус и притягательность для самого взыскательного круга читателей – детей. Им непременно хочется загадки происходящего, открытия сюрприза, который, как фантик вкуснейшей конфетки, должен привести к заветной сладости. И О.А. Варшавер с успехом с этим справилась, проведя небольшое исследование. В детском учреждении в разговорах с детьми она пришла к более востребованному для детского восприятия варианту: «Как слониха упала с неба». Конечно, с точки зрения взрослого, слон – эквивалент неподъемной массы, которая не только взлететь, но подпрыгнуть едва ли может. Оппозиция небесной легкости и земного тяготения одного из самых тяжелых животных создают простор для детской фантазии и массу вопросов для взрослого закоснелого мировосприятия.

Итак, проведенный анализ переводов заголовков через призму наведения культурных мостов позволяет заключить, что в качестве критериев при переводе заголовков рекомендуется следовать: 1) точности передачи главной мысли (идеи) автора, заложенной в оригинале, при сохранении не только основных положений, но и нюансов и оттенков авторских высказываний. Полнота передачи высказывания не должна добавлять ничего переводческого, что будет являться искажением оригинала; 2) сжатости изложения мысли и лаконичности используемых при этом форм; 3) ясности мысли для обеспечения легкости ее понимания, избегания сложных и двусмысленных оборотов, затрудняющих восприятие, использование доступного языка при переводе; 4) литературности перевода в части соответствия общепринятым нормам литературного языка принимающей культуры для облегчения восприятия читателем синтаксических конструкций подлинника.

В заключение приходим к выводу, что процесс перевода заголовков требует от переводчика сохранения исходного смысла и донесения понятной и доступной информации до читателя, чтобы привлечь его внимание к творчеству и более глубокому познанию произведений литературы и искусства, побуждая его таким способом к осуществлению межкультурной коммуникации и диалогу культур через призму перевода заголовков как способа построения культурных мостов [Пугачева, 2024, с. 18].

Список литературы

Арнольд И.В. Стилистика. Современный английский язык: учебник для вузов. – 4-е изд., исправленное и дополненное. – Москва : Флинта: Наука, 2002. – 384 с.

- Блох М.Я. Проблема основной единицы текста // Коммуникативные единицы языка. – Москва, 1984. – С. 14. – (Тезисы докладов Всесоюзной научной конференции).
- Богданова О.Ю. Заглавие как семантико-композиционный элемент художественного текста (на материале английского языка) : дис. ... канд. филол. наук. – Москва, 2009. – 149 с.
- Кухаренко В.А. Интерпретация текста: учебник. – 4-е изд., перераб. – Москва : ФЛИНТА, 2019. – 316 с. ISBN 978-5-9765-3783-5
- Ламзина А.В. Заглавие // Введение в литературоведение: лит. произведение. Основные понятия и термины. – Москва : Высшая школа, 2000. – 204 с.
- Лукин В.А. Художественный текст: Основы лингвистической теории и элементы анализа: учеб. для филол. спец. вузов. – Москва : Ось-89, 1999. – 192 с.
- Маслова В.А. Лингвокультурология. Введение: учебное пособие для вузов. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва : Юрайт, 2022. – 208 с. – (Высшее образование). ISBN 978-5-534-06586-2
- Longman Dictionary of English Language and Culture.* – Harlow : Longman, 4 th impression, 2000. – 1568 p.

References

- Arnold I.V. *Stylistics. Modern English: A Textbook for Universities.* 4th ed., revised a. expanded. Moscow: Flint: Nauka Publ., 2002. 384 p. (In Russian)
- Bloch M.Ya. *The Problem of the Basic Unit of the Text.* Moscow, 1984. 14 p. (Abstracts of the All-Union Scientific Conference). (In Russian)
- Bogdanova O.Y. *The Title as a Semantic and Compositional Element of a Literary Text (Based on the Material of the English Language): PhD Thesis.* Moscow, 2009. 149 p. (In Russian)
- Kukharensko V.A. *Interpretation of the Text.* 4th ed., revised. Moscow: FLINTA, 2019. 316 p. ISBN 978-5-9765-3783-5 (In Russian)
- Lamzina A.V. *The Title.* In: Introduction to Literary Criticism: Lit. Composition. Basic Concepts and Terms. Moscow: Vysshaya Shkola, 2000. 204 p. (In Russian)
- Lukin V.A. *Literary Text: Fundamentals of Linguistic Theory and Elements of Analysis: Textbook for Special Philological Universities.* Moscow: Os'–89 Publ. House, 1999. 192 p. (In Russian)
- Maslova V.A. *Linguoculturology: Introduction: A Textbook for Universities.* 2nd ed., reprint. Moscow: Yurait Publishing House, 2022. 208 p. (Higher education). ISBN 978-5-534-06586-2 (In Russian)
- Longman Dictionary of English Language and Culture.* Harlow: Longman, 4th edition, 2000. 1568 p.

МЕЖСЕМИОТИЧЕСКИЙ ПЕРЕВОД

INTERSEMIOTIC TRANSLATION

УДК: 81'25

DOI: 10.31249/perevod/2025.03.05

РАРЕНКО М.Б.*

АУДИОВИЗУАЛЬНЫЙ ПЕРЕВОД КАК ОБЪЕКТ ИССЛЕДОВАНИЯ

Аннотация. Статья посвящена аудиовизуальному переводу как особому виду перевода, который в последние несколько десятилетий привлекает внимание все большего количества исследователей. Аудиовизуальный перевод – перевод аудиовизуальных продуктов, под которыми понимаются тексты (в широком понимании), представляющие собой сложные семиотические композиции, в которых различные коды объединяются для создания смысла. Цель статьи – определить основные направления изучения аудиовизуального перевода на современном этапе.

Несмотря на то что началом системного изучения аудиовизуального перевода принято считать последние десятилетия XX в., многие вопросы, связанные с переводом аудиовизуальных продуктов, по-прежнему требуют пристального внимания как со стороны практиков, так и теоретиков перевода.

Среди основных проблем аудиовизуального перевода сегодня – передача фоновых знаний, необходимых реципиенту перевода для адекватного восприятия аудиовизуального продукта, перевод реалий, перевод детских анимационных фильмов и телепрограмм, а также вопросы, связанные с техническим представлением переводного контента.

Актуальность статьи объясняется присутствием и популярностью в жизни современного человека различного аудиовизуального контента, в том числе переводного, который, как показывают исследования, будет расти.

Ключевые слова: перевод; аудиовизуальный перевод; киноперевод; переводческие практики; аудиовизуальный текст; семиотически гетерогенный текст; семиотический код; поликодовость; полимодальность; многоканальность; мультимодальность.

Для цитирования: Раренко М.Б. Аудиовизуальный перевод как объект исследования // Актуальные вопросы теории и практики перевода. – 2025. – № 3. – С. 54–64. – DOI: 10.31249/perevod/2025.03.05

* **Раренко Мария Борисовна** – кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник отдела языкознания Института научной информации по общественным наукам (ИНИОН) Российской академии наук; rarenco@rambler.ru

M.B. RARENKO*

AUDIOVISUAL TRANSLATION AS AN OBJECT OF RESEARCH

Abstract. The article is devoted to audiovisual translation as a special type of translation, which in the last few decades has attracted the attention of an increasing number of researchers. Audiovisual translation is the translation of audiovisual products, which are understood as texts (in a broad sense), which are complex semiotic compositions in which various codes are combined to create meaning. The purpose of the article is to identify the main directions of studying audiovisual translation at the present stage. Despite the fact that the beginning of the systematic study of audiovisual translation is considered to be the last decades of the twentieth century, many issues related to the translation of audiovisual products still require close attention from both practitioners and translation theorists. Among the main problems of audiovisual translation today are the transfer of background knowledge necessary for the recipient of the translation to adequately perceive the audiovisual product, the translation of realities, the translation of children's animated films and television programs, as well as issues related to the technical presentation of translated content. The relevance of the article is explained by the presence and popularity in the life of a modern person of various audiovisual content, including translated, which, according to research, will grow.

Keywords: translation; audiovisual translation; film translation; translation practices; audiovisual text; semiotically heterogeneous text; semiotic code; polycode; polymodality; multi-channel; multimodality.

For citation: Rarenko M.B. Audiovisual Translation as an Object of Research // Current Issues of Translation Theory and Practice. – 2025. – N 3. – P. 54–64. DOI: 10.31249/perevod/2025.03.05

Введение

В настоящее время то, что аудиовизуальный перевод – особый вид перевода, требующий от переводчика специфических умений и навыков, не вызывает сомнения.

В статье 1978 г. «О лингвистических аспектах перевода» Р. Якобсон выделяет три способа интерпретации вербального знака, который может быть переведен как в другие знаки того же языка, на другой язык, так и в другую, невербальную систему символов. Этим трем видам перевода Р. Якобсон предлагает дать следующие названия: 1) внутриязыковой перевод, или переименование, – интерпретация вербальных знаков с помощью других знаков того же языка; 2) межъязыковой перевод, или собственно перевод, – интерпретация вербальных знаков посредством знаков какого-либо другого языка; 3) межсемиотический перевод, или трансмутация, – интерпретация вербальных знаков посредством знаков невербальных си-

* **Rarenko M.B.** – PhD (Philology), Leading Researcher of Linguistics Department, Institute of Scientific Information for Social Sciences (INION) of the Russian Academy of Sciences; rarenc@rambler.ru

стем [Якобсон, 1978]. Придерживаясь типологии перевода, предложенной Р. Якобсоном, аудиовизуальный перевод следует отнести к межъязыковому переводу, поскольку аудиовизуальные тексты подвергаются преобразованию с одного естественного языка на другой. В то же самое время следует признать, что преобразование аудиовизуального текста с одного языка на другой происходит в иных условиях, нежели перевод письменного или устного текста, соответственно, различаются стратегии перевода.

Место аудиовизуального перевода среди других видов перевода

Своим возникновением аудиовизуальный перевод обязан стремительному распространению в XX в. аудиовизуальной продукции, чему способствовал небывалый до того времени технический прорыв конца XIX – начала XX в. в разных сферах деятельности человека, в результате чего появились радио, телефон, а затем кинематограф, телевидение, компьютер, а с ним и Глобальная сеть. В настоящее время мы являемся свидетелями прогрессирующей аудиовизуализации информационного пространства, что находит выражение во все большем количестве аудиовизуальной продукции.

Первые системные исследования в области аудиовизуального перевода датируются последними десятилетиями XX в., постепенно перемещаясь с периферии в центр переводческой экосистемы.

Сегодня аудиовизуальный перевод занимает особое место, являясь предметом изучения исследователей, научный интерес которых лежит не только в области перевода, но и общего и прикладного языкознания, лингвокультурологии, литературных артефактов, сравнительного переводоведения и пр., что объясняет разные подходы к изучению феномена и даже понимания данного вида перевода. В настоящее время можно выделить несколько подходов к изучению аудиовизуального перевода, среди которых основное внимание уделяется текстоцентрическому (его придерживается большинство российских исследователей), лингвокультурному, мультимодальному, дидактическому, функциональному подходам, а также подходу культурного переноса [Малёнова, 2017]. Так, ученые, придерживающиеся текстоцентрического подхода, например В.Е. Горшкова, рассматривают аудиовизуальный перевод с позиции лингвистических, семиотических и лингвокультурных особенностей [Горшкова, 2006]. Р.А. Матасов в рамках лингвокультурного подхода предлагает изучать аудиовизуальный перевод, уделяя внимание истории развития кинематографа, т.е. экстралингвистической обусловленности перевода [Матасов, 2009]. С позиции мультимодального подхода аудиовизуальный перевод понимается как перевод мультимодальных текстов, т.е. текстов, предполагающих участие нескольких семиотических систем, когда возникает необходимость принятия во внимание в процессе перевода нескольких вербальных

и невербальных информационных каналов, а также их взаимосвязь для создания адекватного и эквивалентного перевода [Кустова, 2015]. Сторонники дидактического подхода к аудиовизуальному переводу подчеркивают близость аудиовизуального перевода к «собственно переводу» (по Р. Якобсону) и настаивают при его реализации на необходимости учитывать язык, культуру, а также особенности целевых аудиторий [Козуляев, 2013]. Как следует из его названия, функциональный подход к переводу аудиовизуального текста предполагает анализ собственно функций такого перевода – обеспечение доступа к «чужой» культуре и передачу «чужого» культурного наследия. Наконец, подход культурного переноса должен, по мнению исследователей, учитывать влияние на переводной аудиовизуальный продукт культурных особенностей и традиций оригинального аудиовизуального произведения [Фёдорова, 2009; Pettit, 2009].

Перевод аудиовизуальных текстов

Сложности перевода аудиовизуальных текстов определяются природой самих текстов, подлежащих преобразованию. Отметим, что некоторые аудиовизуальные тексты изначально создаются для интернациональной аудитории (например видеогри), в то время как создатели других (например художественных фильмов) ориентируются на определенную целевую аудиторию, что находит отражение не только в выборе вербального языка аудиовизуального продукта, но и элементов других семиотических систем, задействованных в его производстве.

Основными методами перевода аудиовизуальных текстов служат два – субтитрирование и дубляж [Егорова, 2019; Уразова, Ивлева, 2022].

Первоначально субтитры были неотъемлемой частью немого кино и сопровождали видеоряд, поясняя первым кинозрителям происходящее в кадре и передавая диалоги киногероев. В самом общем виде субтитры можно определить как надпись, располагающуюся в нижней части кадра аудиовизуального продукта, представляющую собой запись речи персонажей, часто в сокращенном виде. Сегодня функции субтитров расширяются в зависимости от задач и целей субтитрирования. Так, речь персонажей в субтитрах может быть представлена на языке оригинала и предназначена, например, для потребителей аудиовизуального продукта, имеющих проблемы со слухом – слабослышащих или глухих, а также тех, кто в силу иных обстоятельств не может в данный момент воспринимать информацию аудиально. В случае с «собственно переводом» (по Р. Якобсону) субтитры приводятся на естественном языке целевой аудитории – в этом случае посредством субтитрирования решается задача преодоления языкового барьера, разделяющего производителя аудиовизуального продукта и потребителя.

В силу физиологических особенностей воспринимающего субтитры и технических особенностей воспроизведения аудиовизуальных продуктов создание и размещение субтитров имеет ряд ограничений. Во-первых, субтитры располагаются снизу и посередине кадра, за исключением субтитров, предназначенных для корейскоязычных, японоязычных и китайскоязычных потребителей аудиовизуального продукта, которые могут располагаться сбоку. Во-вторых, длина субтитров составляет не более двух строк, поскольку в противном случае возникает риск перекрыть видеокادر, при этом длина одной строки ограничена приблизительно сорока символами, что объясняется способностью восприятия среднестатистическим зрителем определенного количества символов за определенный промежуток времени. В-третьих, субтитры и реплики персонажей аудиовизуального продукта должны быть синхронизированы. В-четвертых, приоритетной для субтитрирования является информация, которая обладает прагматическим значением, т.е. та, которая необходима для понимания смысла; при этом допускается использование дополнительных – пояснительных – реплик, к которым относятся, например, фоновые голоса, разного происхождения шум и пр.

Дубляж (дублирование) как метод перевода аудиовизуальных продуктов – явление более позднее и представляет собой полную замену реплик персонажей на одном языке репликами на другом языке, создавая у реципиентов иллюзию того, что аудиовизуальный продукт изначально создавался для данной языковой аудитории, что накладывает на переводчиков определенные обязательства, которые могут отличаться и существенным образом отличаются от тех, которые действуют в отношении метода субтитрирования. Следует отметить, что дубляж является весьма дорогостоящим и энергозатратным методом перевода, поскольку требует определенных технических средств (специальное оборудование), большего количества участников процесса – переводчики, актеры дубляжа, специалисты по сведению звуковых дорожек и пр., времени. Во многих случаях переводчики прибегают к приемам адаптации (минимизации чужеродных элементов в переводе) для решения задач адекватности и эквивалентности перевода аудиовизуальных продуктов.

По определению В.Е. Горшковой, «дублирование представляет собой особую технику записи, позволяющую заменять звуковую дорожку фильма с записью оригинального диалога звуковой дорожкой с записью диалога на языке перевода, так и один из видов перевода» [Горшкова, 2006, с. 196].

Принципиальное отличие метода дубляжа от метода субтитрирования, на наш взгляд, заключается в том, что получатель такого перевода не имеет возможности сравнить, что было сказано персонажем в оригинале, с тем, как сказанное было передано в переводе, что роднит этот метод перевода с тем, что мы обычно имеем при «собственно переводе» (по Р. Якобсону) (ср. ситуацию перевода художественных текстов, когда чита-

тель «вынужден» доверять переводчику, если первый не задается вопросом о том, насколько переводное произведение соответствует оригиналу).

Как следует из описания особенностей перевода аудиовизуальных продуктов, некоторые из них совпадают с особенностями перевода обычного письменного текста, например, текста художественной литературы. В то же самое время есть особенности, хорошо знакомые устным переводчикам, например фактор времени. При всем этом, для переводчиков других продуктов, так и для переводчиков аудиовизуальных текстов, актуальна проблема адекватности перевода, решение которой позволяет им достигать следующие цели: во-первых, обеспечивать адекватное восприятие потребителей транслируемой информацией на разных уровнях (смысловом, эмоциональном, эстетическом, прагматическом и пр.); во-вторых, формировать определенное отношение к описываемой ситуации; в-третьих, побуждать – при необходимости – к определенным действиям.

Тем не менее нет оснований отказывать аудиовизуальному переводу в его особом месте среди других видов перевода, поскольку решаемые в процессе перевода аудиовизуальных текстов методы, приемы, задачи и цели не совпадают с методами, приемами, задачами и целями других видов перевода. Именно этот аспект позволяет говорить о том, что аудиовизуальный перевод – особый вид переводческой деятельности, заслуживающий внимания и изучения не только самих переводчиков аудиовизуальной продукции, но и специалистов в области теории и методики перевода.

При всем различии подходов к пониманию феномена аудиовизуального перевода в общем виде его можно определить как перевод аудиовизуальных продуктов с одного языка на другой и внутри одной языковой системы. Рассмотрим основные характеристики аудиовизуального текста.

Аудиовизуальный текст и его свойства

Примером классического аудиовизуального текста выступают кинотекст и телетекст, однако в последние десятилетия основным средством распространения информации, предназначенной для зрительно-слухового восприятия, становится Интернет, благодаря которому культурно-антропологической реальностью современного общества стала «визуальная революция» [Ventrella, 2015]. Роль аудиовизуального контента, а, следовательно и аудиовизуальной коммуникации, основной единицей которой становится аудиовизуальный текст, в современном обществе растет.

Первоначально аудиовизуальный текст ассоциировался с кинотекстом, затем с телетекстом, поэтому в ранних работах, посвященных вопросам перевода аудиовизуальных текстов, часто используются словосочетания «киноперевод», «перевод видеофильмов» и пр. Сегодня форматы и жанры аудиовизуальных текстов исключительно разнообразны: игровые,

видовые, документальные и анимационные кино- и видеофильмы, телевизионные программы, рекламные и музыкальные видео, презентационные ролики, элементы дополненной и виртуальной реальности, видеоигры, видеоблоги и прочий аудиовизуальный контент социальных медиа.

Подобно любым текстам, аудиовизуальные тексты являются полноценными, целостными коммуникативными конструктами и как таковые обладают всеми признаками текстуальности: когезией, когерентностью, интенциональностью, информативностью, приемлемостью, ситуационностью и интертекстуальностью [Beaugrande, Dressler, 1992]. В то же самое время, поскольку смысловая целостность аудиовизуальных текстов формируется в результате синергетического взаимодействия компонентов, относящихся к различным знаковым системам, то их следует рассматривать как семиотически гетерогенные тексты [Полубиченко, 2021]. Аудиовизуальные тексты, таким образом, представляют собой семиотически гетерогенные сообщения, предназначенные для зрительно-слухового восприятия, при этом вербальный компонент в них может быть представлен в звучащей (аудиальной) и графической (визуальной) формах (см. также: [Креолизованый текст: смысловое восприятие, 2020; Косенко, 2021; Некрасова, 2014]).

Актуальные вопросы аудиовизуального перевода

Новый этап в развитии общества сопровождается появлением новых форм коммуникации. Не будет преувеличением сказать, что вопросы перевода относятся к «вечным», наряду с вопросами понимания и интерпретации.

Говоря о аудиовизуальном переводе, как нам представляется, нельзя не упомянуть о теории культурного трансфера, восходящей к работам современного французского филолога-германиста и историка культуры Мишеля Эспаня (род. 1952), среди которых наибольшую известность получили его две монографии: «Франко-немецкий культурный трансфер» (*Les transferts culturels franco-allemands*, 1999) и «История искусства как культурный трансфер. Путь Антона Шпрингера» (*L'histoire de l'art comme transfert culturel: l'itinéraire d'Anton Springer*, 2009) [Эспань, 2018]. В понимании М. Эспаня, культурный трансфер – это постоянный обмен культурными знаками и кодами, интерпретация и переинтерпретация предметов и идей, их постоянное переосмысление и переозначивание; собственно, именно это и происходит при переводе, тем более если речь идет о переводе аудиовизуальном.

Несмотря на то что к настоящему времени многие аспекты аудиовизуального перевода нашли отражение в работах зарубежных и отечественных исследователей, актуальными по-прежнему остаются общие вопросы аудиовизуального перевода, такие как: цели, задачи, приемы перевода; определение приоритетной (прагматической) информации аудиовизуальных

текстов и ее адекватная передача; адекватность перевода; передача фоновых знаний; профессиональная подготовка переводчиков аудиовизуальных текстов; а также частные вопросы: перевод реалий внутри определенной пары языков; передача лексических единиц, принадлежащих разным языковым стратам; передача шуток, поскольку в большинстве случаев юмор отличается «этническим» характером.

Отдельный «поджанр» в области аудиовизуального перевода сегодня – перевод детских анимационных фильмов и телепрограмм [Горшкова, 2006; Малёнова, 2017; Калинин, 2020; Калинин, 2023; Chaume, 2016].

Особенности подготовки переводчиков аудиовизуальных текстов

Среди наиболее актуальных проблем аудиовизуального перевода справедливо выделяют и проблему подготовки профессиональных кадров. Специфика аудиовизуальных продуктов, обуславливая особенности их перевода, в то же самое время требует особых программ подготовки переводчиков такого типа продуктов, тем более что их количество в ближайшее время будет стремительно расти. Согласно прогнозам, основанным на анализе роста аудиовизуальной продукции, в ближайшие годы будет наблюдаться рост рынка приблизительно на 20–25% ежегодно.

Согласно недавним исследованиям, есть ряд особенностей аудиовизуального текста, а следовательно, и перевода, которые должны приниматься во внимание при подготовке программ подготовки переводчиков. Во-первых, это так называемая «псевдоустность». Специалисты отмечают, что аудиовизуальным продуктам свойственны особые, собственные, правила воспроизведения устной речи, которые заключаются в том, что речь персонажей, воспринимаемая как спонтанная, на самом деле оказывается тщательно спланированной, продуманной и интегрированной в видеоряд. Во-вторых, аудиовизуальным текстам присуща полимодальность, которая реализуется параллельно по крайней мере четырьмя поддерживаемыми друг друга «потокками» – невербальный видеоряд (т.е. картинка, которая воспроизводится на экране и воспринимается реципиентом зрительно), вербальный видеоряд (надписи в кадре, титры, субтитры), невербальный аудиоряд (музыка, шумы, звуки различной природы, сопровождающие видеоряд), вербальный аудиоряд (реплики персонажей, песни). Особо следует отметить, что в аудиовизуальном продукте наблюдается приоритет визуального ряда над вербальным.

Заключение

Сегодня аудиовизуальный перевод признается особой переводческой практикой в силу специфических объекта, предмета, задач и целей перевода,

вытекающих из онтологических характеристик аудиовизуальных продуктов, имеющих в своей основе сложные семиотические композиции, в которых различные коды объединяются для создания смысла.

Аудиовизуальный перевод в настоящее время является одной из наиболее распространенных переводческих практик, и в ближайшее время потребность в переводе аудиовизуальных продуктов будет увеличиваться. На рынке труда прогнозируется рост вакансий высокопрофессиональных переводчиков аудиовизуальных продуктов, что потребует значительного пересмотра программ подготовки переводчиков.

Список источников

- Горшкова В.Е. Перевод в кино. – Иркутск : МИГЛУ, 2006. – 278 с.
- Егорова Т.А. Субтитрование и дубляж. Определение, сравнение методик: плюсы и минусы // Вестник науки и образования. – 2019. – № 3–1(57). – С. 46–50.
- Калинин А.Ю. К вопросу об онтологических свойствах аудиовизуального текста // Вестник Моск. ун-та. Сер. 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2023. – № 1. – С. 70–84.
- Калинин А.Ю. Прагматически детерминированные приемы аудиовизуального медиаперевода // Вестник Моск. ун-та. Сер. 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2020. – № 2. – С. 45–57.
- Козуляев А.В. Аудиовизуальный полисемантический перевод как особая форма переводческой деятельности и особенности обучения данному виду перевода // XVII Царскосельские чтения: материалы Междунар. науч. конф. 23–24 апр. 2013 г. – Санкт-Петербург, 2013. – Т. 1. – С. 374–381.
- Косенко В.С. Смысловое восприятие креолизованного текста : автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Москва, 2021. – 21 с.
- Креолизованный текст: смысловое восприятие: коллективная монография / Вашунина И.В., Матвеев М.О., Нистратов А.А., Тарасов Е.Ф. – Москва, 2020. – 206 с.
- Кустова О.Ю. Поликодовость текста как фактор стратегии перевода кинофильма // Актуальные направления научных исследований: от теории к практике. – 2015. – № 1 (3). – С. 279–282.
- Малёнова Е.Д. Теория и практика аудиовизуального перевода: отечественный и зарубежный опыт // Коммуникативные исследования. – 2017. – № 2 (12). – С. 32–46.
- Матасов Р.А. Перевод кино/видеоматериалов: лингвокультурологические и дидактические аспекты: дис. ... канд. филол. наук. – Москва, 2009. – 211 с.
- Некрасова Е.Д. К вопросу о восприятии полимодальных текстов // Вестник Томского гос. ун-та. – 2014. – № 378. – С. 45–48.
- Полубиченко Л.В. Межсемиотический перевод в семиотически гетерогенных текстах // Вестник Моск. ун-та. Сер. 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2021. – № 4. – С. 130–145.
- Уразова Л.А., Излева А.Ю. Аудиовизуальный перевод: сравнение субтитрования и дубляжа // Фундаментальные и прикладные исследования в науке и образовании: сборник статей по итогам Международной научно-практической конференции. – Стерлитамак, 2022. – С. 193–199.
- Фёдорова И.К. Перевод кинотекста в свете концепции культурного переноса: проблема переводческой адаптации // Вестник Челябинского государственного ун-та. Филология. Искусствоведение. – 2009. – № 43 (181). – Вып. 39. – С. 142–149.

- Эспань М. История цивилизаций как культурный трансфер : пер. с фр. – Москва : Новое литературное обозрение, 2018. – 816 с.
- Якобсон Р. О лингвистических аспектах перевода // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике. – Москва : Международные отношения, 1978. – С. 16–24.
- Beaugrande R. de, Dressler W.U. Introduction to Text Linguistics. – London ; New York, 1992. – 286 p.
- Chaume F. Audiovisual translation trends: growing diversity, choice and enhanced localization // Media across borders: Localizing film, TV and video games / ed. by A. Esser, M.A. Bernal-Merino, I.R. Smith. – New York : Routledge, 2016. – P. 68–84.
- Pettit Z. Connecting cultures: cultural transfer in subtitling and dubbing // New trends in audiovisual translation. Multilingual matters / ed. by J. Díaz Cintas. – Bristol ; Buffalo ; Toronto, 2009. – P. 44–57.
- Ventrella F. Visual Turn // International Encyclopedia of the Social and Behavioral Sciences. Reference Work. – 2nd ed. – Oxford, 2015. – P. 207–213.

References

- Gorshkova V.E. *Translation Into Cinema*. Irkutsk: MIGLU, 2006. 278 p. (In Russian)
- Egorova T.A. *Subtitling and Dubbing: Definition and Comparison of Techniques. Advantages and Disadvantages*. In: Bulletin of Science and Education. 2019. N 3–1 (57). Pp. 46–50. (In Russian)
- Kalinin A.Yu. *On the Question of the Ontological Properties of an Audiovisual Text*. In: Bulletin of the Moscow University. Ser. 19. Linguistics and Intercultural Communication. 2023. N 1. Pp. 70–84. (In Russian)
- Kalinin A.Yu. *Pragmatically Determined Techniques Of Audiovisual Media Translation*. In: Bulletin of the Moscow University. Ser. 19. Linguistics and Intercultural Communication. 2020. N 2. Pp. 45–57. (In Russian)
- Kozuljaev A.V. *Audiovisual Polysemantic Translation as a Special Form of Translation Activity and the Peculiarities of Teaching This Type of Translation*. XVII Carskosel'skie chtenija: materialy Mezhdunar. nauch. konf. 23–24 apr. 2013 g. SPb., 2013. T.I. S. 374–381. (In Russian)
- Kosenko V.S. *Semantic Perception of a Creolized Text: Abstract. Dissertation of the Candidate of Philological Sciences*. Moscow, 2021. 21 p. (In Russian)
- Creolized Text: Semantic Perception: A Collective Monograph* / Vashunina I.V., Matveev M.O., Nistratov A.A., Tarasov E.F. Moscow, 2020. 206 p. (In Russian)
- Kustova O.Y. *Polycode Text as a Factor in the Strategy of Film Translation*. In: Current Directions Of Scientific Research: From Theory To Practice.–2015. N 1 (3). Pp. 279–282. (In Russian)
- Malenova E.D. *Theory and Practice of Audiovisual Translation: Domestic and Foreign Experience*. In: Communicative research. 2017. N 2 (12). Pp. 32–46. (In Russian)
- Matasov R.A. *Translation of Film/Video Materials: Linguoculturological and Didactic Aspects: Dissertation of the Candidate of Philology*. Moscow, 2009. 211 p. (In Russian)
- Nekrasova E.D. *On the Perception of Polymodal Texts*. In: Bulletin of Tomsk State University. 2014. N 378. Pp. 45–48. (In Russian)
- Polubichenko L.V. *Inter-semiotic Translation in Semiotically Heterogeneous Texts*. In: Bulletin of the Moscow University. Ser. 19. Linguistics and Intercultural Communication. 2021. N 4. Pp. 130–145. (In Russian)
- Urazova L.A., Ivleva A.Yu. *Audiovisual Translation: A Comparison of Subtitling and Dubbing*. In: Fundamental and Applied Research in Science and Education: Collection of Articles on the

- Results of the International Scientific and Practical Conference. Sterlitamak, 2022. Pp. 193–199. (In Russian)
- Fedorova I.K. Translation of the Film Text in the Light of the Concept of Cultural Transfer: The Problem Of Translation Adaptation. In: Bulletin of the Chelyabinsk State University. 2009. N 43 (181). Philology. Art history. Issue 39. Pp. 142–149. (In Russian)
- Espan' M. *The History of Civilizations as a Cultural Transfer: Translated from French*. Moscow: New Literary Review, 2018. 816 p. (In Russian)
- Jacobson R. *On Linguistic Aspects of Translation*. In: Questions of Translation Theory in Foreign Linguistics. Moscow: International Relations, 1978. Pp. 16–24. (In Russian)
- Bogrand R. de, Dressler W.W. *Introduction to the Linguistics of the Text*. London; New York, 1992. 286 p.
- Shom F. *Trends in Audiovisual Translation: Increasing Diversity, Choice, and Expanded Localization*. In: Media Across Borders. Localization of Movies, television, and video games / ed. by A. Esser, M.A. Bernal-Merino, a. I.R. Smith. New York: Routledge, 2016. Pp. 68–84.
- Pettit Z. *Connecting Cultures: Cultural Transmission in Subtitles and Dubbing*. In: *New Trends in Audiovisual Translation. Issues of Multilingualism* / ed. by H. Diaz Sintas. Bristol; Buffalo; Toronto, 2009. Pp. 44–57.
- Ventrella F. *Visual Twist*. In: International Encyclopedia of Social and Behavioral Sciences. 2nd edition. Oxford, 2015. Pp. 207–213.

ТРЕБОВАНИЯ К АВТОРАМ И ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ

REQUIREMENTS FOR THE AUTHORS AND THEIR ARTICLES

В журнале «Актуальные вопросы теории и практики перевода» публикуются научные статьи, обзоры, рецензии, сообщения о научных событиях. Отдельный раздел посвящен ретропубликациям.

К публикации в журнале приглашаются авторы, имеющие законченное профильное (лингвистическое) образование не ниже магистратуры (специалитета), аспиранты, кандидаты и доктора наук.

Первоначально все поступившие в редакцию рукописи обсуждаются редколлегией журнала. После этого признанные соответствующими требованиям журнала (по оформлению, профилю журнала и пр.) рукописи проходят двойное «слепое» рецензирование с целью экспертной оценки и проверку на плагиат. Окончательное решение о публикации принимается на заседании редакции. В случае отказа принять рукопись к публикации редколлегия сообщает об этом автору. Срок рассмотрения рукописей редакцией и рецензентами занимает не более 90 дней со дня поступления рукописи в редакцию. Публикация статьи занимает не более 1 года.

Передавая рукопись в редакцию, автор подтверждает, что текст ранее не публиковался и не находится на рассмотрении в другом издании.

Публикации в журнале бесплатны для авторов.

Общие требования к оформлению рукописей

Рукописи принимаются в электронном виде в формате .doc или .docx. Шрифт текста – Times New Roman, размер шрифта (в том числе в сносках) – 14 пт, межстрочный интервал – 1,5, отступ – 1 см.

Авторы должны указать свои фамилию, имя и отчество (полностью), место своей работы, должность и адрес электронной почты. Сведения об авторе предоставляются на русском и английском языках.

Статья должна иметь четкую структуру, в ней должны быть выделены: введение, основная часть, при необходимости включающая в себя несколько разделов, а также заключение (выводы).

Объем рукописей (с учетом всех элементов текста):

- статьи и обзоры – не более 40 тыс. знаков (с пробелами);
- рецензии – не более 25 тыс. знаков (с пробелами);
- сообщения о научных событиях – не более 50 тыс. знаков (с пробелами).

Требования к оформлению рукописей статей, обзоров и рецензий

Статьи, обзоры, рецензии и сообщения о научных событиях обязательно должны включать УДК, аннотации (объемом около 500 печатных знаков (с пробелами) на русском и английском языках), а также 4–10 ключевых слов / словосочетаний, разделенных точкой с запятой, на русском и английском языках.

ОФОРМЛЕНИЕ ССЫЛОК НА ЛИТЕРАТУРУ В ТЕКСТЕ СТАТЕЙ

Ссылки на литературу приводятся в тексте в квадратных скобках. В обязательном порядке указывается фамилия автора и через запятую – год: [Степанов, 1998] или [Andersen, 2012].

Если в тексте приводится **цитата** или дается отсылка на какой-то определенный фрагмент в объемной работе, указывается страница (страницы), также через запятую:

[Шмелев, 2014, с. 37] или [Andersen, 2012, p. 12].

Если **авторов упоминаемой работы 2 или 3**, то фамилии приводятся через запятую:

[Lyse, Andersen, 2012].

Если ссылка дается на **работы одного автора, вышедшие в разные годы**, между номерами годов ставится запятая:

[Даль, 1989, 2004].

Если 2 или более работ одного автора / авторов **вышли в один год**, к году добавляются буквенные обозначения – а; б; в или а; б; с.

[Johnson, 1986 a, 1986 b]

В одной ссылке на несколько работ разных авторов между работами ставится; [Апресян, 1995; Арутюнова, 2002].

В ссылке на сборник или на коллективную монографию желательно привести название сборника / монографии – полностью. Если же название длинное, указываются начальные слова и далее год и при необходимости страницы

[Библиографический указатель литературы по языкознанию ..., 1958].

**ФПример введения сокращенных наименований работ
в тексте при первом упоминании**

В «Большом фразеологическом словаре русского языка» (ФСРЯ) авторы составляли словник, опираясь на теорию... [ФСРЯ, 2020].

**ОФОРМЛЕНИЕ ПРИМЕРОВ И ЦИТАТ
В ТЕКСТЕ СТАТЕЙ**

1) В статье **примеры** и **цитаты** на русском языке даются в кавычках прямым шрифтом.

Примеры на иностранных языках приводятся без кавычек, но курсивом, с переводом на русский язык.

Пример оформления:

Существительное *article* в значении «изделие» употребляется в данном случае в роли подлежащего.

2) Цитаты на иностранных языках также приводятся в кавычках, курсивом, с последующим переводом.

Если перевод приводится по какому-либо источнику, указывается источник (У. Шекспир, «Гамлет», пер. Б.Л. Пастернака).

Если перевод принадлежит автору статьи, то в круглых скобках следует указать инициалы автора (пер. наш. – *И.И.*).

Пример оформления:

Торо пишет: “*When I wrote the following pages, or rather the bulk of them, I lived alone, in the woods, a mile from any neighbor, in a house which I had built myself, on the shore of Walden Pond, in Concord, Massachusetts, and earned my living by the labor of my hands only*”. – «Когда я писал следующие страницы, или, вернее, большую их часть, я жил один, в лесу, в миле от соседей, в доме, который построил сам, на берегу Уолденского пруда в Конкорде, штат Массачусетс, и зарабатывал на жизнь исключительно трудом своих рук» [указать автора, год, страницы] (пер. наш. – *И.И.*).

3) Иноязычные термины при первом их употреблении в статье приводятся на языке оригинала курсивом, без кавычек, при необходимости с переводом в кавычках в круглых скобках:

Пример оформления:

В англоязычном переводоведческом дискурсе данный вид перевода известен как *community translation* (букв. «коммунальный перевод»).

ОФОРМЛЕНИЕ СПИСКА ЛИТЕРАТУРЫ

Просим обратить внимание! В пояснительной (технической) части библиографического описания книги, журнала и т.п. двоеточие отделяется пробелами с двух сторон. Внутри названия двоеточие не отбивается. Это введенное относительно недавно правило считается обязательным.

Иванов А.И. Русская архитектура: исторические аспекты : монография : в 2 т. Москва : ОЛМА-ПРЕСС, 2004. – Т. 1. – 672 с.; Т. 2. – 576 с.

Оформление монографий

Орлова О.С. Эвфемизмы и загадки о рождении и смерти в русской и иноязычной культурах: принцип непрямой номинации. Когнитивно-культурологическое исследование. – Москва : ЛЕНАНД, 2022. – 240 с.

McEnery T.A., Wilson A. Corpus Linguistics. – Edinburgh : Edinburgh University Press, 2001. – VII, 253 p.

Оформление коллективных монографий

Русская лексикология: история и современное состояние / Иванов Н.С., Свиридов П.Р., Бондаренко Н.В., Егоров А.Б. и др. ; гл. ред. Иванов Н.С. – Москва : Наука, 1999. – 650 с.

!!! Если авторов не больше 3, их фамилии пишутся в начале описания.

Если больше – после названия за косой чертой; указываются фамилии и инициалы 4 авторов.

Описание монографии или сборника никогда не начинается с фамилии редактора, в том числе при описании зарубежных изданий. Сборники описываются через их название!

Оформление сборников

Мышление и язык / под ред. Д.П. Горского. – Москва : Гос. издательство полит. литературы, 1957. – 48 с.

Оформление статей

Реформатский А.А. Термин как член лексической системы языка // Проблемы структурной лингвистики / отв. ред. С.К. Шаумян ; АН СССР. Ин-т русского языка. – Москва : Наука, 1968. – С. 13–125.

Топорков А.Л. Солнце // Славянская мифология: энциклопедический словарь. – Москва : Международные отношения, 2011. – С. 442–443.

Оформление статей из журналов

Lyse G.I., Andersen G. Collocations and Statistical Analysis of N-Grams // Exploring Newspaper Language: Using the Web to Create and Investigate a Large Corpus of Modern Norwegian. – 2012. – Vol. 49. – P. 79–80.

Если в журнале двойная нумерация, номера приводятся через запятую:

– Т. 4, № 1. – С. 14–22.

– Или Vol. 20, N 2 / 3. – P. 44–57.

– Или Т. 3, Bd 5. – S. 77–92. (для немецкого языка)

Потанова Р.К., Потанов В.В. Интернет-меметика как эмоциогенная среда сетевой коммуникации // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. – 2023. – Т. 82, № 2 – С. 78–91.

Bernissan F. Combien de Locuteurs Compte l'Occitan en 2012? // Revue de Linguistique Romane. – 2012. – N 303 / 304. – P. 467–512.

Оформление многотомных изданий и глав или частей из многотомных изданий

Петров И.И. Полное собрание сочинений: в 7 т. – Санкт-Петербург : Изд-во Академии наук, 1977–1980.

Петров И.И. Название произведения или работы // *Петров И.И.* Полное собрание сочинений. – Санкт-Петербург : Изд-во Академии наук, 1979. – Т. 5. – С. 12–100.

Оформление диссертаций и авторефератов

Павлова Н.Т. Название диссертации: дис. / автореф. дис. ... канд. / д-ра филол. наук / Наименование организации. – Москва, 2012. – 25 с.

Сокращения в списке литературы

ФСРЛЯ – Фразеологический словарь русского литературного языка конца XVIII–XX в.: в 2 т. / под ред. А.И. Федорова. – Новосибирск : Наука. Сибирское отделение, 1991. – Т. 1 : А – Н. – 340 с.

Оформление электронных ресурсов

НКРЯ – Национальный корпус русского языка. – URL: ruscorpora.ru (дата обращения: 04.08.2022).

Versia.ru – URL: <https://versia.ru/rossiyane-reshili-sn0va-it-po-chyornomu> (дата обращения: 01.03.2024).

Ссылки на документы, конституции, своды законов приводятся в сносках в конце страниц, со ссылками на интернет и указанием даты обращения.

ОФОРМЛЕНИЕ REFERENCES

В этом разделе должны быть отражены **все** источники, представленные в Списке литературы.

Источники располагаются в порядке упоминания в Списке литературы.

В описании должны присутствовать:

- 1) фамилия автора (авторов) **латиницей**;
- 2) перевод источника **на английский язык** (если источник на русском или на одном из восточных языков, не использующих латиницу). Работы на языках, использующих латиницу, даются в оригинале;
- 3) для статьи – название журнала или сборника, монографии, которые вводятся через **In** ;
- 4) место издания и издательство, год, количество страниц – для книги и границы – для статьи.

Место издания и издательство транслитерируются, исключение составляют Moscow, Saint Petersburg. Но: Tver', Nizhnij Novgorod.

Внимание!

Тире в описаниях References, в отличие от Списка литературы, **не ставятся. Пробелы** перед двоеточиями **отсутствуют**.

Пример оформления монографии

Baranov A.N., Plungyan V.A., Rakhilina E.V. *Guide to Discursive Words of the Russian Language*. Moscow: Pomovsky i Partnery, 1993. 207 p. (in Russian)

Пример оформления сборника

Grammar of the Modern Russian Literary Language / ed. by N.Y. Shvedova. Moscow: Nauka, 1970. 767 p. (In Russian)

Пример оформления статьи из сборника или коллективной монографии

Starodumova E.A. *On the Sources of the "Particle Abundance" of the Russian Language*. In: *Selected Works: Description of the Russian Particles, Dictionary Entries, Syntax of Fiction*. Vladivostok: Marine State University, 2011. Pp. 139–149. (In Russian)

Пример оформления статьи из журнала

Rarenko M.B. *Community Interpreting vs Social Translation*. In: *Bulletin of Moscow State Linguistic University. Humanities*. 2018. N 2 (791). Pp. 160–168. (In Russian)

Обратите внимание: при двойной нумерации тома, номера и выпуски указываются через запятую, как и в основном списке литературы: N 4, Iss. 2; или: Vol. 12, N 4.

Если авторов монографии или статьи больше трех, то описание дается на название, авторы (максимум четверо) указываются после названия за косой чертой, как в следующем примере:

Russian Lexicology: History and Modern State / Ivanov N.S., Sviridov P.R., Bondarenko N.V., Yegorov A.B. et al. / ed. N.S. Ivanov. Moscow: Nauka 1999. 650 p. (In Russian)

При описании главы из монографии, в том числе коллективной, или сборника, **номер главы или части указывается перед страницами:**

Serova N. *Stylistics of Net Communication*. In: *Media Communication* / ed. by L.S. Petrov Moscow: Nauka, 2012. Ch. 2. Pp. 30–48. (In Russian)

Обратите внимание, что **важны все элементы оформления**, в том числе знаки препинания.

Обратите внимание, что:

1) **название в References приводятся курсивом, фамилии авторов без курсива;**

2) при указании на границы статей или глав принято сокращение: **Pp. 139–149**, при указании на общее количество страниц: **257 p.; 340 S.**

3) пометы **(in Russian), (in Chinese)** обязательны, без последующей точки.

Порядок следования элементов в References также важен. Определенный том многотомного издания, глава в монографии, часть статьи, помещенной в журнале – пишутся после года перед страницами, как и в основном списке.

Описание никогда не начинается с фамилии издателя – как в Списке литературы, так и в References. На первом месте указывается фамилия автора или авторов или же название коллективной монографии.

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ ПЕРЕВОДА

№ 3 – 2025

Оформление обложки Д.Д. Курушина
Техническое редактирование
и компьютерная верстка К.Л. Сиякова

Подписано в свет 29 / XII – 2025 г.
Формат 70×100/16 Бум. офсетная № 1
Усл. печ. л. 5,9 Уч.-изд. л. 4,3
Тираж 800 экз.

**Институт научной информации
по общественным наукам
Российской академии наук**
Нахимовский проспект, д. 51/21, Москва, 117418
<http://inion.ru>

Отдел печати и распространения
информационных изданий
Тел.: 8 (499) 124-32-15
e-mail: izdat@inion.ru

Отпечатано в типографии
АО «Т8 Издательские Технологии»,
109316, Москва, Волгоградский проспект,
д. 42, корп. 5, к.6